

Светлана Рыжакова

Латышская национальная история: о культурных механизмах в конструировании и реферировании прошлого

Научная задача латышской истории —
отдать латышскому народу его потерянное прошлое.

(Арведс Швабе, латышский историк
и культуролог, 1936 г.)

Национальная история: структура, механизмы и прагматика

История — одно из самых сложных на сегодняшний день гуманитарных понятий. Не говоря уже о его употреблении в публицистике, массмедиа и популярной литературе, даже среди разных академических сообществ об «истории» говорят совершенно по-разному. Речь может идти о личном, часто высокоэмоциональном опыте людей, превращенном в текст коллективной памяти отдельных социальных групп и этнических общностей (см.: [Ассман 2004 (1992)]), идеологии (переходящей и в пропаганду) властвующей элиты, художественных формах «исторического воображения» (см.: [Collingwood 1935]), наконец, сумме профессиональных знаний и методологии. Сильно разнящиеся по типам, функциям, базам источников, способам изложения материала и общественным задачам различные сочинения могут называться «историями», служить образовательными пособиями и даже претендовать на научность. Различные **модели истории** (позитивистская [Хальб-вакс 2007], психологическая, см.: [Butler 1989; Burke 1991], социально-конструктивистская [Luhmann 1981; Luhmann 1999])

Светлана Игоревна Рыжакова
Институт этнологии
и антропологии РАН, Москва
lana@mega.ru

по-разному описывают и объясняют исторические факты и события.

Необходимо отделить **историю как науку** от **истории как мифа** и, наконец, **истории как идеологии**¹. Общий принцип подобного различия может быть таков: *миф* — это конкретная история, объясняющая наличествующий мир, людей, ситуацию и т.п. (превращаясь в объяснительную концепцию, миф становится *мифологемой*), которая общепринята и референция к которой объясняется именно тем, что «так думают все», «это всем известно». Вопрос о достоверности мифа не ставится в принципе, это плод прошлого переживания, осмысленного коллективным сознанием данной группы. Поскольку он не проверяется опытом (точнее, в обычных условиях вопрос о проверке не ставится), постольку в виде логической конструкции его представить и трудно, и не нужно, он часто предстает в поэтической форме. *Идеология* же создается преднамеренно определенными людьми в интересах определенных людей, поэтому обычно облекается в формально логическую форму и, как правило, в большем или меньшем объеме включается в образовательную, воспитательную, просветительскую работу государства.

Идея о том, что «наша история есть наша идентичность», и проблемы идентичности в контексте исторических исследований стали очень популярны в новейшей исторической науке (начало этому было положено еще в работах Дройзена и Коллингвуда, см.: [Droysen (1868) 1882; Collingwood 1946; Collingwood 1999; Skagestad 1975]). Развитие этой исследовательской линии нашло свое отражение в серии книг «Западное историческое мышление. Кросскультурные дебаты», увидевшей свет в издательстве Berghahn Books под редакцией известного немецкого историка Йорна Рюсена. Серия «Придавая смысл истории. Исследования в исторической культуре и межкультурной коммуникации» была начата в 2002 г. и выходит под общей редакцией Йорна Рюсена и Кристиана Гелена².

Национальную историю³, одно из важнейших оснований для формирования и укрепления нации как «воображаемого сообщества», я буду рассматривать как особый **тип повествования**, в котором выражаются исторические модели, темы и сюжеты и который проявляется в письменных текстах, устном обще-

¹ Благодарю проф. В.В. Напольских за ценную консультацию и уточнение данных терминов и позиций.

² См. исследования по проекту «Making Sense of History» (под руководством Йорна Рюсена): [Western Historical Thinking 2002; Nation, Identity and Historical Consciousness 2003; The Meaning of History 2004].

³ О механизмах, формах и региональных моделях национальной истории Финляндии и Балтии см., в частности, сборник статей [Branch 1999].

нии, в визуальных и перформативных формах культуры. Эта история теснейшим образом связана как с мифологией, так и с идеологией, сложившимися при формировании данной нации. Как правило, она стратиграфически неоднородна, способна к эволюции, но отличается ярко выраженной способностью к адаптации всех элементов к уже существующей «биографии» нации.

Национальная история стремится к созданию **связанного повествования** с определенными оценками событий, четким выявлением исторических периодов, их действующих лиц и сил, ясностью причинно-следственных связей. Для ее существования необходимо **социальное укоренение** (что выражается в постоянной репрезентации, разыгрывании, см.: [Drau 1999]) — создание и поддержание определенных точек зрения на отдельные важнейшие для данной нации исторические события. Это отражается в школьном образовании, музейной деятельности, исторической реконструкции, календаре национальных праздников и памятных мероприятий, что тиражируется и закрепляется в культуре повседневности, в образах, размещаемых на эфемериях, почтовых открытках, марках, значках, рекламе, путеводителях и мн. др.¹

Преломленная в **повседневности** «история» пересекается с т.н. «банальным национализмом», по термину Мишеля Биллига [Billig 1995], охватывающим широко распространенные общественные практики, стереотипные формы поведения и представления, формирующие и поддерживающие национальную идентичность.

Национальная история и структурно, и тематически разворачивается на основе моделей, свойственных мифам, и поэтому сродни убеждениям и пристрастиям². Важные особенности национальной истории — ретроспективное построение (сквозь призму исторической памяти ныне живущего поколения выявляется, как события прошлого привели к современному состоянию), стремление к преодолению неопределенности, формулированию (на основе принятых позиций) концептов. Для национальной (как и любой официально принятой) истории характерны представления об общественном прогрессе и регрессе, этические оценки событий прошлого и действий

---

¹ Хотя изначально марксистская история в СССР провозглашалась как наднациональная, но и она строилась по этим же принципам и была ориентирована на формирование «новой исторической общности» — «советского народа» (фактически нации). Совокупность исторических референций общества в праздничной, повседневной, знаковой и других общественных сферах может быть обозначена термином *historica* [Droysen 2008; Rüsen 1994].

² В 1980-е гг. стал популярным термин «мифоистория», отражающий механизмы построение популярной истории, см.: [McNeil 1986; Malı 2003].

конкретных людей, возможные (но неиспользованные) иные пути развития, идеологические принципы, элементы футурологии, а также осуждение «переписывания истории» (по сути дела, запрет на профессию историка).

Латышский философ и публицист Игорь Шуваев замечает: «В мифе нет времени, но — временá. К тому же их последовательность не важна, так как нет эволюции. В мифе можно зафиксировать закономерности, но новое событие тут происходит не из множества событий, а из предыдущего события. При этом нет сплетения закономерностей, контекста; существует некое событие и вытекающий из него мир, его события» [Šuvajevs 2008: 8].

Всякая элита, формирующая свою нацию, имеющая или строящая свою государственность, в определенный период времени формирует свою официальную версию истории, распространяемую в широкой публике. Дальнейшая фрагментация и размывание единого исторического повествования, потеря историками монополии на прошлое и укрепление права разных социальных, этнических, культурных групп общества на свою историю развивались во многом в рамках либерализма, феминизма, постмодернизма [Iggers 1993] либо в условиях распада нации.

При всем изобилии публикуемой исторической литературы в широком тематическом и методологическом спектре, в том числе и высококачественных исторических трудов, ныне во всем мире падает уровень массового исторического образования. Одна из причин кризиса исторического знания заключается, возможно, в колоссальном росте баз данных и информационных потоков при понижении (или недостаточном росте?) навыков оперирования ими. Дискретное, поверхностное, клиповое мышление становится единственным широко распространенным способом преодоления этой проблемы, результатом которого является деградация объемного, многомерного сознания и его аналитических способностей как основы науки в целом. Кроме того, в эпоху массового товарного производства, бренд-менеджмента и потребления наука отчасти смешивается с другими видами «товаров» (чем она изначально не являлась), что создает предпосылку для исчезновения методологической границы между наукой и другими областями деятельности.

Дополнительными дезинтегрирующими факторами являются отсутствие единого поля дискуссий для разного рода специалистов, считающих себя историками, разнообразие ценностных и познавательных подходов к истории, вплоть до представлений о ее «полной относительности», «невозможности»

или «смерти». Это укрепляется подключением к «истории» широкого круга произведений, обращенных вообще **к памяти**¹ (прежде всего формирование целого направления «устной истории», но не только, см.: [Le Goff 1992; Хаттон 2003]), а также художественных сочинений, реферирующих к прошлому, или же повествований о длительных квазиисторических событиях (таких как «священная история», фэнтези). В ряде обстоятельств (например, в послевоенной Германии), кажется, вовсе перестают создавать национальную историю (которая ассоциируется с наследием нацизма и фашизма), хотя отдельные элементы исторического знания, такие как археологические, лингвистические исследования, история идей [Рингер 2008], культура повседневности и мн. др., явно развиваются.

При этом колоссальный рост памятных мероприятий, начавшийся во всех европейских странах с 1989 г., позволил Пьеру Нора обозначить современность как **«эпоху припоминаний»** [Nora 1992]. Об этом свидетельствуют и повышенный интерес к стилю ретро, мемуарной литературе, популярность сериалов и фильмов (разного качества) на исторические темы и многие другие формы исторической референции. Отдельное направление сформировалось на основе внимания к текстуальной и интерпретативной стороне истории².

В работах О. Лёфгрена [Löfgren 1989], Э. Смита [Smith 1999], Д. Фьюстера [Fewster 2006] подробно исследованы такие характерные для национальной истории механизмы, как деформация (в частности, компрессия) исторических событий, создание истории древности, конструирование биографий исторических личностей, редукция обстоятельств и деконтекстуализация, выведение одного события непосредственно из другого, поддержание реальных событий повествовательными структурами (т.е. сюжеты уже имеются до событий).

Существенную часть национальной истории составляют представления об **этническом** и то тесно связанном, то отличающемся от него и даже противопоставленном ему **национальном**³. Являясь сплавом научного знания, идеологии, художественного творчества, политики и устоявшихся жанровых традиций ис-

---

¹ О противоположности истории и памяти (в рамках позитивистской парадигмы) писал М. Хальбвакс; П. Бёрк (P. Burke), расширяя представление о памяти и отрицая возможность объективности, склонен считать историографию особым родом социальной памяти.

² Значительным трудом тут стала работа американского исследователя Хейдена Уайта «Метаистория», изучающая историческое письмо, его мотивацию и жанровые особенности [White 1987; White 1990].

³ Подчиненное социальное положение и отсутствие своей исторической литературы у многих народов было причиной выделения Н.Я. Данилевским т.н. «этнографических» народов, противопоставленных «историческим».

торического письма, национальная история в разных случаях может быть основана (или делать акцент) на истории **региона, государства** (его структур) или **народа**¹. Чаще всего, однако, делается определенный компромисс между историей **нации как государства** (властных институтов), **страны** (объединенных земель) и **народа/совокупности народов** (как правило, различающихся между собой этнически, регионально, социально, профессионально и т.п.; именно так написаны многие национальные истории²).

Однако «историческое знание» во всяком сложном современном обществе — «многослойный пирог»: «нижними слоями» сюда входит творчество широких масс, оно реализуется в повседневной культуре начиная от интерпретации в школах, музеях, экскурсиях, в работе исторических клубов, различных творческих коллективов, так или иначе касающихся в своей деятельности исторических тем. В индивидуальной, семейной исторической памяти фиксация события, его описание и интерпретация происходят неформально, а трансляция этого исторического знания осуществляется в немногочисленной аудитории «своих людей» — родственников, друзей. Этот опыт, как правило, гораздо более субъективен, но и более разнообразен. Здесь вариативность точек зрения гораздо больше, а уровень стереотипизации ниже. Существуют и другие уровни формирования и циркуляции исторического знания: это профессиональные общины, молодежные субкультуры, диаспоры и этнические меньшинства. В ряде случаев они занимают промежуточное положение между опытом конкретных семей и государственными институтами (прежде всего школьным образованием, а также профессиональной исторической наукой). Эти уровни обусловлены прежде всего задачами, которые выполняет исторический нарратив среди данной аудитории, а также составом источников и способами обращения к ним, формами трансляции. Преемственность исторической памяти, исторических дискурсов и исторических описаний осуществ-

¹ Сравним, например, различные модели истории. Так, история Венгрии — это история венгерского народа (его путешествия, «обретения родины» и т.д.). История Швейцарии — это история договора трех (а потом и большего числа) кантонов о совместном ведении дел и противостоянии окружающим странам; тут этническое и культурное вообще не имеет отношения к государству. История Исландии — история скандинавского (норвежского) «проекта» в освоении частью норвежского народа новой земли и формировании там особых (отчасти преемственных, отчасти самобытных) институтов. История Америки, Англии и России — история формирования монособъектной власти и проводимых под ее эгидой колонизаций. История Индии — это циклическая смена цивилизаций (Хараппа — Арьяварта — Маурья — Гупта с Харшей — Делийский султанат — Моголы — Британская Индия — Республика Индия), между которыми словно ничего не было (хотя это совсем не так, именно в промежуточные моменты движение-то и было), что изоморфно системам (космогонической) юг и (в биографии человека) ашрамов.

² См.: «История Дании», «История Исландии», «История Австрии», «История Венгрии» и т.д. — серия национальных историй мира на русском языке выходит в издательстве «Весь мир».

ляется внутри этих уровней, в то время как фактический материал может перебрасываться: темы, представления, точки зрения, порожденные в рамках одного, отражаются и воспринимаются в другом. Эти истории — диахронные связи, линии преемственности нынешнего социального коллектива со своими предшественниками. Типологически они подобны племенным этиологическим и космологическим мифам, этногенетическим преданиям (ведь история в какой-то мере аналогична культуре предков), интегрирующим коллектив, поясняющим и упорядочивающим события, создающим социальные, культурные и правовые прецеденты.

Взаимосвязь **истории и памяти** непроста. П. Нора выявляет конфликт между памятью и историей; он напоминает, что память легко манипулировать, она основывается на очень ограниченной информации, высоко субъективна и эмоциональна. Верч коллективную память рассматривает как оппозицию истории [Wertsch 2002: 19]: память в основе своей субъективна (отражает опыт определенной группы, бессознательна, не терпит неопределенности в интерпретации мотивов и событий), концентрируется на стабильной сущности группы (вплоть до персонификации), прошлое тут не проходит, а тесно связано с настоящим, голос памяти выражается в представлениях о «музее-храме», героических нарративах. История как наука объективна, дистанцирует исследователя от событий, критична и аналитична, признает неопределенность, неясность в отношении многих мотивов и событий, изучает перемены, отличает прошлое и настоящее, на события прошлого смотрит как на происходившие тогда, а не сейчас. Историческое сознание выражается в представлении о «музее-форуме», в столкновении противоречивых, разнообразных позиций.

Таким образом, исторические принципы зачастую не только иные, но и противоположные коллективной памяти и многим общественным формам исторической референции. П. Новик пишет: «В основе своей коллективная память — неисторична, даже антиисторична. Чтобы понять что-либо исторически, нужно осознать всю его сложность, его следует разместить таким образом, чтобы увидеть с разных точек зрения, чтобы признать неочевидность (в том числе моральную) мотивации и поведения главных действующих лиц. Коллективная память упрощает, рассматривает события с определенной, хорошо известной точки зрения; она нетерпима к любого вида неясностям, события она сводит к мифическим архетипам. История по природе своей концентрируется на историчности событий, т.е. на контексте того времени, когда они происходили, на тех обстоятельствах (отличных от сегодняшних), а не на настоя-

щем. Память же, напротив, не отличается чувством течения, изменения времени; она отказывается видеть “прошедшее” своих объектов, но ориентирована на их продолжение в сегоднешнем» [Novick 1999: 3–4].

Из повседневности, из единичных, индивидуальных событий посредством ряда механизмов (интерпретация, актуализация, припоминание и забвение) создается коллективная память, опорными пунктами которой являются исторические «события», кодифицированные точки зрения, упорядоченные представления, общие мнения¹.

Любая история призвана решать фундаментальный вопрос противостояния упорядоченных структур и их преобразований во времени (поставленный еще М. Элиаде в работе «Космос и история»): как нечто, оставаясь собой, может изменяться. Национальная история всегда — повествование **о преемственности**, будь то государственных институтов, этнического самосознания, национального духа или форм материальной культуры.

Связанное историческое повествование широко распространяется посредством массового образования (школьного, музейного, экскурсионного), а также через прессу, публицистику и художественную литературу. В исторических текстах, созданных для образовательных, пропагандистских или художественных целей, всегда происходит упрощение представлений об исторических событиях и закрепляется определенная их оценка, которая, как правило, впоследствии стереотипизируется и передается далее уже в отрыве от исторического знания, ее породившего.

Национальная история проявляется в списках достопамятных фактов, осмысленных событий; учебники истории, исторические труды и энциклопедии, музейные экспозиции строятся на основе этих своего рода исторических «тезаурусов»² и содержат сведения о **территории**, с которой связаны различные государственные образования — предшественники данной страны (и здесь один из наиболее сложных и острых вопросов — гра-

¹ Ср. о формировании социальной мысли у Хальбвакса: «Социальная мысль не является абстрактной. Идеи общества <...> всегда воплощаются в людях или группах людей, (однако) любой исторический персонаж или факт, проникший в (социальную) память, сразу превращается там в некоторое поучение, понятие, символ; он приобретает смысл; он становится элементом системы общественных идей. Социальная мысль есть по сути своей память и все ее содержание образовано коллективными воспоминаниями, но при этом сохраняются лишь те из них <...>, которые общество может в любую эпоху реконструировать, работая над своими нынешними рамками» [Хальбвакс 2007: 343]. По меткому замечанию С. Зенкина, «память о прошлом и формируется, и деформируется одновременно» [Хальбвакс 2007: 13].

² Подробное описание страны в виде «географического лексикона» распространилось в XVIII в.; см.: [Полунин 1773].

ницы), о важнейших **событиях**, приведших к существенным общественным и этническим переменам, о действующих **силах**, этническая принадлежность которых во многих случаях играет существенную роль в формировании общественного мнения. Кроме того, это **историографические прочтения** в рамках разных историографических моделей, а также **культурные интерпретации** позднейших эпох: как и с какой целью реконструируется, культурно осваивается и переосмысливается тот или иной исторический период.

«История», как и нация, — ключевые слова, «парадигмы» (по терминологии Т. Куна) XIX в. (сменившие «природу» и «общество» XVIII в. и предшествовавшие «культуре» XX в.). Для большинства европейских народов формирование национальной истории было актуально в конце XVIII—XIX в. и выразилось первоначально в историческом творчестве писателей: так, польская национальная история — сочинение писателя-романтика Т. Нарбута, русская — писателя-сентименталиста Н.М. Карамзина (который сопоставил открытие национальной истории с возрождением Античности и открытиями Колумба). С самого начала появления в школьной программе история стала национальной: создание государства в конце XIX — начале XX в. немедленно влекло за собой написание истории нации (в случае этнонациональных государств — титульного народа)¹.

Национальная история всегда играет большую (а во многих случаях — ведущую) роль в формировании и укреплении национальной идентичности. Она всецело зависит от доминирующего представления о данной нации, но, как правило, имеет некоторый спектр представлений и возможных интерпретаций исторических событий. Различные сословия, классы, этнические группы, национальные меньшинства, различные социальные страты обычно имеют свою «версию», выражаемую в публицистике, художественной литературе и отражающуюся на историографических моделях. В крайнем случае, национальная («своя», «родная», «отечественная») история преобразуется в высоко стереотипизированную точку зрения, орудие для политической пропаганды и даже может стать поводом для разжигания межэтнической розни².

---

¹ Истоки преподавания истории в школе лежат в идеях Просвещения и эволюционном подходе в науке середины XIX в. Свое место история в школе обрела между Законом Божьим и словесностью (т.е. между религиозными нормами и художественной литературой); главной же ее функцией было воспитание гражданственности.

² Например, в анализе латвийской прессы Сергей Крук и Илзе Шулмане выявили различное отношение к истории, представляемое русскоязычными и латышскими изданиями; непримиримость позиций отражает, например, цитата из газеты «Час»: «Большинство латышей живет в мифологическом мире, который они считают историей» (цит. по: [Šulmane, Kruks 2001: 26]).

Упорядочивание событий в различных формах исторического повествования идет разными способами. Для художественной литературы это **законы литературного жанра**, для устных повествований о жизни это **опорные пункты** («места памяти», по терминологии Пьера Нора), обеспечивающие личностную целостность рассказчика, для музейной экспозиции — специально созданная **концепция**. В национальной истории историографические модели выступают как **ходы исторической мысли**. Важнейшими же векторами историографических моделей национальной истории являются «**пределы**» (обозначающие ее пространство, территорию распространения) и «**времена**» (маркирующие ее периоды, эпохи; краткие афористические обозначения эпох — «кирпичики», лежащие в основании исторической памяти нации).

Время зарождения нации и обретения ею своих государственных структур, часто описываемое участниками этих событий как период (по выражению венгерского поэта и публициста Атиллы Йожефа) «всеобщего воодушевления», образует эмоциональную основу единства нации. Отдельные места и времена становятся священными и/или национальными символами; путем наложения мифологических, легендарных, исторических, культурных представлений на естественную среду обитания люди создают культурные ландшафты. Со временем они институционализируются и становятся не только частью художественного сознания, мифологии и поэзии, но обретают политические, идеологические и даже экономические (путем создания брендов) функции. Сравнение и анализ выделенных единиц позволяют наглядно увидеть механизмы создания и выразительные средства представления национальной истории, способы фиксации в ней исторической памяти, а также ее трансформационные процессы.

Важнейшими среди них можно назвать такие механизмы, как локализация, периодизация и репрезентация (перформативность). **Локализация** — избирательность в очерчивании географического пространства, а также круга этнических, языковых, социальных и других групп, которые воспринимаются как «свои». **Периодизация** — история имеет дело с непрерывными процессами, но во всяком изложении фрагментирует свой материал, «квантует» его, образует единицы, обозначаемые периодами, эпохами и т.п. Периоды образуются ретроспективно¹, вокруг выделенных общественно значимых **тем, событий и личностей**. Исторический период — это этап, цикл распространения определенной культурной модели (через картину мира,

¹ «Только конец эпохи делает возможным определить, что составляло суть ее жизни, словно бы ей необходимо умереть, чтобы превратиться в книгу» [Certeau 1988: 198].

стиль, культурные коды, способы организации, а также через принятые образцы¹). С периодами связана формулировка определенных воззрений в культурных текстах, ими порождены определенные типы текстов. Исторические периоды, эпохи подобны изопрагмам в этнографическом описании, т.е. их реальность собирательна и очевидна только с определенной, дистанцированной точки зрения. **Перформативность** — важный принцип национальной культуры вообще, характерный и для национальной истории. В определенной мере это разыгрываемая история, она «присваивает» себе культурные артефакты (особенно памятники, места боевой славы, места, связанные с деятелями культуры), делая их своими декорациями и «действующими героями». Географическое пространство, национальная территория, ее центры и пределы — существенный аспект национальной истории. Это своего рода «сцена», имеющая границы и внутреннюю структуру (ландшафт) и развернутая на внешнего «зрителя» (адресата, читателя исторического повествования).

Рассмотрим особенности формирования и функционирования латышской национальной истории.

Historica Lettica: история Латвии, история латышей?

Латышская история, как и всякая национальная история, представляет собой особый жанр метанарратива, главным конструктивным принципом которого является выстраивание исторического повествования вокруг «главного героя», латышской нации, и всех предшествующих ей исторических форм (латышской народности, древнелатышских племенных сообществ).

Ее истоки лежат в сочинениях младолатышей 1850–1860-х гг., хотя в качестве предшествующих форм, не представляющих всю историческую шкалу, но отсылающих к нескольким эпохам и темам, можно назвать и этнографические работы пастора, языковеда и краеведа Августа Биленштейна [Bielenstein 1907], и труд Гарлиба Меркеля «Латыши, особенно в Ливонии,

---

¹ По архитектонике, особенностям функционирования исторический период весьма похож на архитектурный памятник: он подчиняется сходным традициям по его сохранению и защите. Историк искусства прибалтийско-немецкого происхождения Георг Дехио (1850–1932) в рассуждениях о принципах и критериях сохранения архитектурных памятников утверждал, что «мы сохраняем данный памятник древности не потому, что считаем его красивым, а благодаря тому, что это часть нашей национальной сущности» (цит по: [Mintaus 2006: 49]). Приблизительно об этом же писал и латвийский архитектор Эйженс Лаубе в 1934 г., провозглашая, что все, что нам может дать история, есть продукт нашего сегодняшнего духа и с полным правом может служить исходным материалом для решения задач и проблем сегодняшнего дня [Laube 1934: 11]. Идея о том, что человек должен властвовать над историей и заставлять ее служить жизни, а не наоборот, была высказана еще Ф. Ницше.

на исходе философского столетия» [Merkel 1796], и даже, с оговоркой, описание быта и обычаев латышей курземским церковным суперинтендантом Паулем Эйнхорном «Historia Lettica» [Einhorn 1649].

Латышское понятия «история» (*vēsture*) изобретено Атисом Кронвальдом в 1868 г. и было субстантивацией глагола *vēstīt* — «провозглашать», «повествовать», «рассказывать», «сообщать». До того в латышском языке использовались (под влиянием немецкого *Geschichte*) понятия «*stāsti*», «*pasauls stāsti*» (см.: [Kronvalds 1987: 48–50; Karulis 1992 II: 169]). Анализируя историю формирования и семантику терминов «праистория» (*aizvēsture*; от англ. *Prehistory*, сформулированного Даниэлем Уилсоном в 1851 г. и затем унаследованного другими европейскими языками) и «древняя история» (*senvēsture*, немецкий термин *Urgeschichte*, появившийся в конце XIX в. для обозначения глубоких, уходящих в неопределенную древность корней известных нам по письменным источникам этнических общностей, древних племен — предков будущих народов нового времени) в латышском языке, Арманс Вийюпс отмечает четкую связь последней с актуализировавшимся во второй половине 1930-х гг. идеологическим заказом на создание древнейшего этапа национальной истории латышей [Vijups 1999: 44].

Кроме младолатышского движения 1850–1870-х гг. были и другие факторы, инспирировавшие интерес к балтийской (первоначально немецкой, но впоследствии и латышской, и эстонской) культуре и истории. В частности, это формирование профессиональной археографической традиции, начало планомерного, регулярного изучения и публикации исторических источников. Хотя первые издания местных письменных памятников появились еще в XVIII в. [Arndt 1747], только в середине — второй половине XIX в. формируется академическая научная археографическая традиция (см.: [Ivanov 2008: 44]).

Но именно «народническая эпоха» (лтш. *tautiskais laikmets*, 1850–1870-е гг.) была началом исторического конструирования «латышской древности», выразившегося в художественной литературе и публицистике, однако это не было временем «припоминаний». Младолатыши, да и другие культурные деятели, были прежде всего ориентированы на свое время, актуальные вопросы современности. Только начала ставиться проблема «аутентичности», историческое знание еще не было принципиально выделено среди другой литературной деятельности. Постепенное формирование принципов национальной истории заключалось в размежевании исторического «своего» и «чужого», пристрастном отношении к событиям и личностям и отчетливой автоапологии.

А. Кронвальд был первым, кто в особой статье обратился к теме периодизации истории, выделив, правда, три самые общие «эпохи» «древности» (*pirmatnes laiki*; позднее также «*seneji laikī*», «*senatne*», видимо, под влиянием известного с XVIII в. нем. *Alterth mer*), «средневековья» (*vidējie laiki*) и «нового времени» (*jaunākie laiki*) [Vijups 1999: 41].

Непростыми были региональный, социальный и историографический контексты латышской истории. Промежуточность географического положения стала общим местом в большинстве историографий Латвии. Значительная часть земель Латвии входила в Остзейский край, иной была история юго-восточных территорий (Инфлянтии). Перемены власти, государственного подчинения и административного деления отразились тут на множественности топонимической номенклатуры¹. Земли Латвии на протяжении большей части своей истории принадлежали различным крупным соседним державам (Швеции, Польско-Литовскому государству, России) и находились в прямой зависимости последовательно от тех или других. Ливония, средневековое немецкое государственное образование, сформировавшее свою метрополию — Ригу, не рассматривается латышской национальной историографией как совершенно «свое», к которому возводится национальная преемственность. Таким образом, подчеркивается долгое историческое периферийное состояние «Латвии» (учтем, что само понятие «Латвия» появилось в середине XIX в., а государство возникло в 1918 г.)². Речь идет не столько о территориальной отдаленности земель Латвии от своих метрополий, сколько о социальной маргинальности «Латвии» в смысле бесправности основных масс крестьян, латышей³. Характерным аспектом местной истории всегда была взаимосвязь **социального** и **этнического**: проще говоря, в крайнем стереотипном представлении «немцы», «поляки», «шведы», «русские»

¹ С точки зрения германских и других более ранних источников, это были земли «Востока» — *Эстии* Тацита, ср. *Ostsee* — «Восточное море»; большинство городов тут имело несколько названий или вариантов одного названия. В немецкой историографии балтийские земли нередко назывались *Greizland Deutschland* — «Германия пограничных земель», или «Русская Германия» [Поездка в Остзейские губернии 1852: 5].

² «Чья Латвия периферия?» — над этим вопросом на страницах журнала «Ригас лайкс» размышлял известный российский философ А.М. Пятигорский [Pjatigorskis 2002: 17].

³ «Латышское» долгое время было практически синонимом «крестьянскому», «низкому», «подчиненному», «зависимому». В этом смысле и следует рассматривать общее место «Латвия — маленькая страна, латыши — маленький народ». Это подсознательное самописание себя как «низкого», подчиненного, не создавшего цивилизации народа, людей не у власти (ср. отсутствие аналогичных представлений той же интенсивности в Литве). Речь вовсе не о реальной, а о символической (недостаточной, неполноценной) величине, что до сих пор во многом маркирует общественную фрустрацию. Хотя налицо и иные тенденции — профессионального роста, улучшения жизнеобеспечивающей культуры, эстетическое преобразование ландшафтов, формирование интеллигенции, политической, экономической и культурной элиты, — только лежат они не в области исторических нарративов.

как «господа» противопоставляются «латышам» — «трудовому народу».

Начиная с эпохи Просвещения последовательно формировались несколько историографических моделей, которые по-разному конструировали историю балтийского региона в целом. Это были и остзейская немецкая, а затем и российская историографии XIX в., латышская национальная историография (основы ее были заложены еще в 1850–1860-е гг., но текстуализация и общественная реализация происходили в 1920–1930-е гг.), советская историография¹, наконец, современная латвийская историография.

Давнее и постоянное наличие различных и даже взаимоисключающих взглядов и моделей развития чрезвычайно специфично для истории Латвии. Это наблюдается не только в официальных историографических моделях, но и в семейной исторической памяти. Мировоззренческие позиции, стратегии выживания, представления о патриотизме нередко разделяют латвийское общество, линия водораздела подчас проходит даже внутри одной семьи². Разные точки зрения давно и тесно сосуществуют и, конечно, проникают одна в другую, формируя тесный и весьма сложный общественный симбиоз.

Историографические традиции в целом сходным образом районировали земли Латвии и выделяли ее исторические периоды, но вкладывали различный исторический смысл и в культурную географию, и в исторические события. Наиболее серьезно они расходились в оценке балтийской политической, правовой и отчасти экономической истории в выделении главных действующих исторических сил. Этническая тема во всех случаях оказывается весьма важной, хотя и описывается, и оценивается по-разному.

Различия особенно хорошо видны на материале остзейской немецкой («прибалтийско-немецкой дворянской») и латыш-

¹ В 1950-х гг. Институт истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР издал трехтомную «Историю Латвийской ССР». Редколлегию возглавил академик Я. Зутис, туда входили также К. Страдзынь, Я. Крастынь и А. Дризул. Авторами отдельных разделов был и Т. Зейдс, М. Степерманс, Б. Брежго, В. Дорошенко, Х. Моора и Э. Шноре. В I томе (Рига: АН ЛССР, 1952) рассматривалась история Латвии с древнейших времен до 1860 г. Декларировалась также «великая историческая роль СССР и русского народа», что провозглашалось необходимым условием для «правильного понимания истории латышского народа».

² Например, из книги Лаймы Муктупавелы «Братбрат» о неразлучных братьях-близнецах, известных латышских дирижерах Иманте и Гидо Кокарах, когда один из них оказался в советской армии, второй — в латышском легионе SS: «Так они, один другого поддерживая, с опущенными головами, не утертыми слезами, один столь похож на другого, оставили кладбище. Так они всегда делали. Один другого оберегал, поддерживал, хранил. Только однажды за всю долгую жизнь были они поставлены друг напротив друга. Когда брат на брата. Гидо с винтовкой напротив Иманта. Это было на войне» [Muktupāvela 2008: 7].

ской историографии: последняя сформировалась как идеологическая противница первой, политическая была ориентирована на этнонационализм. Она сформировалась в публицистике и исторической науке 1920–1930-х гг.; некоторые работы (в частности, Ансиса Курмиса¹) структурно построены как учебники истории. Раздвижение исторического времени существования общелатышского этноса, преемственности латышской этнической идентичности отразилось во многих формах исторического повествования, наиболее ярко в крайне националистическом произведении А. Рунгиса «Идет латыш сквозь века...»² и в определенной мере в популярной и гораздо более широкоизвестной работе Улдиса Германиса («Приключения латышского народа»). Важнейшей позицией стало представление о «славной балтской древности» (с IX в. как «золотым веком») с началом государственности, что было прервано завоеванием крестоносцев и установлением 700-летнего немецкого владычества, которое потом сменилось польской властью над Латгалией и шведской — над другими областями, а потом — Северная война, завоевание Россией. Начало формирования латышской нации связывается с младолатышским движением 1850–1860-х гг., процессами «национального пробуждения».

Крайне негативная оценка остзейской историографии (которую вели с «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского, в целом оправдывающей господствующее положение немцев и сложившийся особый порядок) была унаследована и в советской марксистской науке Латвии, в ее фундаментальном труде по истории Латвии под редакцией Я. Зутиса: «В целом она почти ничего не дала для изучения истории прибалтийских народов — латышей и эстов» [Зутис 1952: 10]. Советская история Латвии унаследовала от латышской национальной истории миф о немцах-завоевателях, принесших сюда несвойственные институты, в частности христианство: «Основным источником для изучения народной культуры в средние века является фольклор» [Зутис 1955: 37].

Некоторое разнообразие позиций внутри немецкой исторической науки, наличие разных спектров практически не замечаются ни в межвоенной латышской национальной историографии, ни позднее. А ведь еще в начале XIX в. появились доктрина либерализма (невмешательства государства в частноправовые отношения, в том числе в аграрные отношения в Остзейском крае), новое поколение «либералов-помещиков

---

¹ См.: [Kurmīš 1997; Kurmīš 1936].

² См.: [Ruņģis Aivars 1982].

и буржуа» и их Общество для изучения истории остзейских провинций России (1830–1840) (Рейнгольд Самсон-Гиммельстиерна, 1778–1858, Фридрих Георг Бунге, 1802–1897). В работе Общества участвовали историки Юлий Эккарт (1836–1908), Вольдемар фон Бок (1816–1903), Карл Ширен (1826–1910), Теодор Шиман (1847–1921), Герман Бруйнинг (1849–1927). Работали последователи геттингенской исторической школы Георга Вайца, страсбургской школы аграрных отношений (в частности, Астаф Транзе-Розенек). Практически нет полноценного анализа их трудов в латышской историографии; более прогрессивными историками представляли прибалтийских просветителей — Йоганна Георга Эйзена (1717–1779) [Eisen 1764], описавшего удручающую картину крепостничества в Лифляндии середины XIX в., а также Генриха Йоганна Яннау (1752–1821) и Карла Снеля (1753–1826). Однако самыми выдающимися фигурами, признанными как марксистской, так и латышской национальной историографией, стали **Йоганн Готфрид Гердер** (1744–1803) и **Гарлиб Меркель** (1769–1859). Обличение крепостничества в публицистической деятельности последнего, яркие картины повседневности были высоко оценены латышской и советской историографией. В советской историографии положительно отмечалась также его высокая оценка исторических связей прибалтийских народов с Россией и присоединения Прибалтики к России. Кроме того, в латышской национальной историографии высоко было оценено его обращение к фольклору, запись сказаний древних ливов и сочиненный им романтический эпос «Ванем Иманта» — произведение, в котором представлена героическая борьба латышей против своих поработителей. Й.Г. Гердер, живший в Риге, интересовавшийся латышским фольклором и языком, также пишет о трагической судьбе местных народов: «Судьба народов на побережье Балтийского моря составляет печальную страницу в истории человечества <...> Человечество ужаснется той крови, которая пролилась здесь в диких войнах, продолжавшихся до тех пор, пока древние пруссы не были почти целиком истреблены, а курши и латыши обращены в рабство». Однако эти две фигуры — исключительное явление¹.

Нужно отметить, что пренебрежительное, невнимательное отношение к ранним историческим трудам, создаваемым латышами, выражали и многие немецкие историки. Можно заключить, что общим достоянием становились только общая атмосфера эпохи, общие места, стереотипные представления, бывшие результатом разнообразных сочинений.

¹ Вот слова прибалтийско-немецкого интеллектуала Унгерн-Штернберга, иллюстрирующие преобладающее до XX в. отношение к латышскому народу: «Латыши — народ без национального чувства и национальной гордости <...>, без истории, которая могла бы вдохновлять» (цит. по: [Seire 2006: 31]).

Остзейской немецкой историографической традиции в середине XIX в. была противопоставлена так называемая альтернативная история, из которой позднее выросла официальная латвийская историография. Существенными ее аспектами стало формирование уже известных из сочинений конца XVIII — начала XIX в. представлений о «Древней Латвии» и ее государственных образованиях (а также глорификация их повседневной жизни и культуры), героических подвигах полупоуподобных правителей (в частности, земгальского Намейсиса, талавского Таливалдиса), борьбе древних латышей с завоевателями. Популярным артефактом стало так называемое «кольцо Намейсиса» — реконструкция кольца XII в., состоящего из трех свитых серебряных или бронзовых нитей, интерпретируемых ныне как символ народного единства.

Латышский быт, история и особенно народные песни как главное культурное достояние латышей описаны в двухтомном сборнике, составленном Готхардтом Тобиасом Тиллеманном¹. Модель этого «историко-поэтического» сборника текстов песен, стихов и очерков, богато иллюстрированного гравюрами с видами Лифляндии, стала основной на ранней стадии формирования латышской национальной истории в XIX в. Некоторые из этих элементов были представлены в первом профессиональном латышском историческом труде, сочинении Яниса Кродзникса «Из балтийской истории» [Krodznieks 1912–1914]. Романтические и сентиментальные стихотворения, баллады, мифологические очерки преобладают над историческими зарисовками и в сборнике Т. Зейферта «Наша Родина. Сцены из природы и истории Латвии», напечатанном в Цесисе 1919 г. [Zeiferts 1919].

Основателями латышской национальной историографии в межвоенный период были археолог **Францис Александр Балодис** (1882–1947), общественный деятель, писатель и историк **Арведс Швабе** (1888–1959, автор многих трудов по истории и культуре Латвии 1920–1930-х гг. [Švābe 1921; Švābe 1958; Švābe 1990], главный редактор латвийского энциклопедического словаря), филолог и историк **Арнолдс Спекке** (1887–1972).

Ф. Балодис, первый академически образованный (учившийся в Московском, а затем и Мюнхенском университетах) латышский археолог, стал связывать конкретные древнебалтийские племена (до тех пор только фрагментарно известные по текстам хроник) с археологическим материалом и памятниками среднего железного века. До него этот материал приписывали

¹ См.: [Livona 1812–1815].

германским или славянским народам или же вообще «летто-литовцам». Ф. Балодис начиная с 1909 г. руководил так называемыми Беверинскими раскопками — поиском археологического материала, связанного с упоминавшимся в письменных источниках XIII в. укрепленным поселением (городищем) латгалов Беверины. В 1910 г. Ф. Балодис защитил диссертацию и опубликовал труд «Некоторые материалы по истории латышского племени с IX по XIII столетие», который составил научную основу для будущей популярной интерпретации истории латышей. Эта работа была написана в русле российской историографии того времени, подчеркивавшей влияние древнерусской государственности и роли православной церкви на прибалтийские народы до XIII в. Одновременно Ф. Балодис дал весьма идеализированный образ древнелатышского общества. В 1924 г. он вернулся на родину, где до тех пор существовала только немецкая археологическая научная традиция. Балодис интенсивно взялся за археологическое исследование латгалов; экспедиция 1925 г. изучила 25 городищ, 60 могильников. На этой основе была охарактеризована материальная культура латгалов XI—XII вв. и их границы. Отмеченная же им восточная граница латгалов актуальна и по сей день (Я. Циглис). Материалы этой экспедиции легли в основу многих популярных работ, а также обширного раздела, посвященного позднему железному веку, помещенного в книге об археологии Латвии (куда Эдуард Штурмс написал раздел о каменном и бронзовом веках, эстонские исследователи Х. Моора и М. Шмеденхельм — о раннем и развитии железного веках, П. Шмитс описал повседневность и народные верования по материалам фольклора, верований, П. Кундзиньш — древние латышские постройки), см.: [LA 1926: 70–125].

Пристальное внимание Балодис уделил изучению городищ, к чему обратился в ходе латгальских экспедиций 1925 г., затем в 1927 г. на городище Таниса Калнс и в других местах. В 1942 г. Балодис опубликовал на немецком языке обобщающий труд о результатах этих работ [Balodis 1942]. Само открытие этой темы оказалось весьма важным для создания латышской национальной истории — как для научной, так и для идеологической ее составляющей. Фиксация относительно высоко развитой материальной культуры, характерной для местных народов до формирования здесь государства Ливония, а также основанная на найденном материале реконструкция их культуры и социальных черт составили оппозицию культу ртрегерской остзейской историографии, в основном начинающей историю Восточной Прибалтики с формирования здесь немецкого государства в начале XIII в.

В годы жизни в Латвии Ф. Балодис принимал активное участие в популяризации науки. Он писал статьи и редактировал журналы о древности и искусстве — «Latvijas Saule» (выходящий с 1923 г.), «Senatne un Māksla» (с 1936 г.), особенно активно после 1934 г.; в это же время он занимает видные посты. В научной же среде работы Балодиса подвергаются критике за часто необоснованные выводы (в частности, в рецензиях В. Гинтерса, 1939 г.). Весьма идеализованная картина прошлого Латвии оказалась представлена в одном из его обобщающих трудов «Древнейшие времена. Древняя история Латвии» (1938 г.), переведенном впоследствии на датский язык (см.: [Balodis 1938]).

В целом главным вкладом Ф. Балодиса в формирование национальной истории представляется то, что он «ясно прочертил границу между немецкой остзейской и нашей национальной археологическими школами», «это было продиктовано национальным романтизмом того времени, когда важнее было сказать, что в мире есть и мы, латыши. И у нас есть своя история, которой мы можем гордиться» (из интервью археолога А. Радыньша, директора Национального музея истории Латвии, 2007 г. [Grīnuma 2007]).

В гуманитарных науках межвоенной Латвии весьма ощутимым был романтический настрой, предполагавший разделение исторических и культурологических исследований и исследователей на «своих» и «чужих». Так, А. Спекке писал: «Если по известным причинам балтийской [здесь имеется в виду латышская национальная. — С.Р.] историографии нужно было столько времени молчать, это не означает, что ее точка зрения потеряна, что истинная ценность древней культуры балтов уже исчерпана. Может быть, она была забыта, словно бы зарыта под многими слоями чужой власти, начавшимися главным образом в XIII в., но под слоем снега ростки древних ценностей так хорошо сохранились, что смогли дать широкие и сильные всходы, что ярко показал послевоенный период» [Spekke 1937: 76].

Очень точно это иллюстрирует высказывание великого латышского поэта и одного из идеологов формирования нации Райниса: «История — одновременно уважение к самому себе» (1919) [Aspazija 1986: 632].

В школьных учебниках по истории Латвии 1920-х гг. весьма значительную часть занимают описания «древнелатвийской» [Dreimanis 1924: 16] или «древнебалтийской» [Birkerts 1922: 1] природы, этнографических реконструкций и фольклора, очень длинные перечни календарных работ и празднеств, а также идеи сочинений XIX — начала XX в., интерполированные в эпоху XII–XIII вв. (см.: [Tautas vēsturei 1938]).

В крайне упрощенном виде романтизированная национальная история Латвии, преломленная в марксизме и ленинизме, была представлена в своеобразном пропагандистском сочинении Д. Элло «Латвия. Памятка латышского стрелка» (опубликованном Секцией бывших латышских стрелков при ОСОАВИА-ХИМЕ в Москве в 1930 г.¹), где делается простой вывод: «Вся история латышского народа — это история его порабощения и борьбы крестьянства, а потом и пролетариата за национальное, экономическое и политическое освобождение».

Периодизация латышской национальной истории, в принципе повторяющая предшествующую историографическую традицию, особо выделяет время национального «пробуждения», *атмоды*. Однако сколько их было в этнической истории латышей, одна, три или четыре, — на этот вопрос разные историографические традиции отвечают по-разному.

В истории формирования многих народов мира XIX — начала XX вв. были периоды национально-культурного возрождения — массового всплеска интереса к своей истории и культуре, новой постановки вопроса «кто мы?», возвращения в повседневный быт «почти забытых» артефактов и повышения их ценности до этнически значимых символов. Эпохи «пробуждения» — своего рода точки бифуркации, разделения потока, ощущаемые как начало, несущие ощущение свежести². Хорошо известна связь периодов такого возрождения с серьезными изменениями в экономическом и политическом положении всего мира и с необходимостью значительных преобразований в устройстве общественных институтов. Это были также периоды актуализации исторической памяти общества (см. подробнее: [Асман 2004]), в ходе которых шло активное (пере)создание структур этнических культур с использованием традиционных элементов и инноваций³.

Наряду с формированием нации как новой и в период с конца XVIII до начала XX вв. наиболее глобальной социальной интеграционной формы шло — в некоторых случаях в унисон, в других в диссонанс с представлением о «нации» — оформление понятия «этнического». Можно предположить, что актуализи-

¹ В этой маленькой брошюре пунктирно отмечены важнейшие исторические эпохи: XIII в. как завоевание территории немецкими рыцарями; середина XVI в., когда «лифляндское дворянство отдалось под власть польских магнатов»; XVII в. как период нового — шведского — завоевания; 1700–1721 гг. — «Латвию покоряют русские купцы и дворяне»; 1817–1818 гг.; когда «латышские крестьяне были, по сути дела, освобождены от земли».

² В конце же эпохи — «отвлеченные понятия в конце исторической эпохи всегда воняют тухлой рыбой» [Мандельштам 1999: 69].

³ См. уже ставшие классическими труды по формированию наций и истории национально-культурных движений: [Tilly 1975; Szűcs 1981; Armstrong 1982; Anderson 1983; Gellner 1983; Hobsbawm, Ranger 1983; Smith 1983; Hroch 1985].

рующаяся в это время «этническая культура» становилась своего рода заменой массово исчезающим формам культуры (институтам, культурным кодам, аспектам мировоззрения), обозначаемым в целом как «традиция», фактически престонародной традиции. Этническая культура повсюду формировалась и обозначала свои границы как структура, объединяющая преобразованные элементы «низкой», крестьянской или племенной, местной, повседневной, престонародной, по большей части неререфлексируемой, высоко вариативной традиционной культуры. Основной задачей возрождающейся, а во многом заново создаваемой (и впоследствии не раз пересоздаваемой) этнической культуры было сохранение элементов исчезающего прошлого, которые становилось жаль потерять и к которым люди, как оказалось, были привязаны как материально, так и психологически. В латышской истории формирование и закрепление «национального» и «этнического» (латышского) почти совпали хронологически; в дальнейшем это стало главной проблемой в социальном укоренении неэтнического представления о латвийской нации.

Важнейший **структурообразующий элемент** латышской национальной истории — «**пробуждение**» (*атмода*) (см.: [Smith 1981]). Так был обозначен период 1850–1860-х гг., «народнический» период, заложивший социальную, культурную, экономическую и политическую основу для формирования латышской нации. Как и в этнической истории других народов, латышское «пробуждение» было узловым периодом истории Латвии, созданием «зрячих гомеостазисов», картин мира, в ходе которого рождались историческое сознание и идеология, т.е. формировались взгляды на прошлое и будущее. Оно породило все **темы** будущей латышской национальной истории: политическое и культурное подчинение, непроходящий синдром страдающего «маленького народа», жертвы истории. Это отражается в большинстве учебных пособий¹, музейных экспозиций, художественных произведений на историческую тему.

Латышская национальная история однозначно связывает *атмоды* с обретением Латвией независимости (хотя в обоих случаях она была результатом комплекса обстоятельств, в котором в том числе был и подъем национального самосознания). Непростой вопрос — в какой мере и что **реализовывалось** из программ самих «атмод»? В какой мере последующие события были обусловлены деятельностью личностей атмод и в какой — **множеством обстоятельств**, в том числе и внешних?

¹ В одном из современных учебников истории Латвии И. Кеныньш для 5 подраздела второго тома («Латыш и его господин») эпиграфом избрал высказывание А. Линкольна: «Овца и волк по-разному понимают слово “свобода”, в этом покоится сущность общественного разномыслия и противоречий».

«Пробуждение» — недолгий период между сном и явью, где встречаются параллельные миры; это моменты, когда можно поменять индивидуальную и коллективную судьбу. Это время, богатое семенами возможностей, которые закладываются в почву; дальнейшее развитие — это рост одной или другой возможности. Дальнейшее бытование этих «возрожденных шедевров» связано с выделением одной ведущей функции и институциализации всего явления на ее основе, что похоже на работу со сновидением: выделением ведущего образа, определением его значения и затем созданием интерпретаций. Индивидуальное переживание истории в гораздо большей степени имеет отношение к поэзии, чем к экономике, политике и даже здравому смыслу.

Однако предпосылки латышского национального «пробуждения» лежали не только в логике внутреннего развития латышского этноса (как это часто стремится представить национальная история), а в гораздо более широком общественном и культурном контексте. М. Грох отмечает, что «прелюдией» к национальному строительству являются, во-первых, актуализация впечатков прежней политической автономии, во-вторых, возрождение памяти о былой независимости и, в-третьих, развитие литературного языка. Немаловажным был и научный интерес к языкам и истории малых народов Европы, заложенный уже в первой половине XIX в. и заложивший основу будущей патриотической агитации середины XIX в. [Groch 1985: 22–24]. Все «пробуждения» приводили к мобилизации и политизации значительных общественных слоев, их объединению в рамках наций, легитимизации смены властной элиты.

В немецкой историографии речь идет об одном периоде латышского «пробуждения» — 1850–1860-е гг., ср.: [Blanks 1921; Tautas atmoda 1927; Deglava 1893]. В латышской же национальной истории выделяются три *атмоды* (кажется, первым об этом стал писать и говорить Янис Страдыньш, см.: [Stradiņš 1994]). Первую из них традиционно относят к 1850–1860-м гг. и связывают с движением «младолатышей»¹, вторую — к периоду первой Латвийской Республики 1920–1930-х гг. [Šilde 1976], третью («песенная революция») — к концу 1980-х — началу 1990-х гг., завершившуюся восстановлением государственной независимости Латвии [Levits 2003]². Историк Гвидо Страубе выдвинул идею о еще одном периоде «пробуждения», а имен-

¹ Ставшее нарицательным и собирательным пренебрежительное прозвище, данное Юрису Алуану немецким пастором, со значением «мятежник, бунтарь» (см.: [Birkerts 1927; Alunāns 1910]).

² См. также: [История Латвии 2005: 411–464], «Восстановление Латвийской Республики и укрепление ее независимости (1991–2004)».

но — деятельности начиная с 1739 г. в центральных областях Лифляндии гернгутерских общин, охвативших в ряде мест широкие массы крестьянского населения.

Закрепившееся в широком общественном сознании представление о трех или даже четырех атмосферах, «пробуждениях», произошедших за последние полтора-два века, ставит вопрос: в чем же их сходства и различия? Могут ли быть три периода одинакового в принципе «пробуждения» в этнической культуре одного народа, осознающего свою преемственность? И в чем заключается сущность самого «пробуждения», т.е. **кто именно и к чему** «пробуждался»? Видимо, речь идет о **«пробуждении» к разному**, точнее, актуализации разных жизненных сфер: деятельность гернгутерских общин была религиозным пробуждением (хотя далеко не всех областей будущей Латвии), «народнический» период 1850—1860-х гг. вел к культурному и экономическому росту, после 1905 г. и особенно после Первой мировой войны возникла и укрепилась идея необходимости обретения самоуправления, а затем и государственности, объединившей в своих границах области с преобладанием этнического латышского и латгальского населения. Обозначение периода конца 1980-х гг. как «третьей атмосферы» хотя и отражает психологический настрой общества, думаю, не вполне верно историографически: речь шла о восстановлении потерянной независимости, возвращении (во всяком случае юридическом) к ситуации до аннексии Латвии в 1940 г.¹

Все эти периоды «пробуждения», конечно, были тесно связаны с общеевропейскими и даже общемировыми тенденциями: во второй половине XIX — начале XX в. — с модой на этнографию и фольклор; после Первой мировой войны — с распадом крупных колониальных держав и формированием национальных государств; в 1980-х — начале 1990-х гг. — с распадом Советского Союза и новым государственным строительством получивших политическую и экономическую независимость республик.

Гражданская история латышей (как и многих других народов, на протяжении долгого времени входивших в состав крупных империй) стала чрезвычайно важным **институтом** современной этнонациональной культуры. Исторические дискуссии — область обоснования современной идеологии, политических позиций, поиска возможных стратегий общественного развития. Центральный компонент гражданской истории — вопрос

---

¹ Как видим, во многом эта периодизация укладывается в рамки периодов российской истории: конец Петровского времени, елизаветинский период, расцвет Просвещения — сер. XIX в., разночинно-народнический период революционного движения, реформы 1861—1870-х гг. — революция — крах СССР.

о власти, ее легитимности и происхождении. Так, в латышской, эстонской, финской исторической литературе подчеркивается, а в массовом историческом сознании тяжело переживается долгое отсутствие собственной в этническом смысле государственности.

Общественная актуальность истории Латвии сегодня закреплена обязательным **экзаменом**, сдача которого необходима для получения латвийского гражданства, хотя при этом в школьном стандарте Латвии отечественная история не выделяется из курса всемирной истории, но инкорпорирована в нее. Складывается ситуация, при которой натурализованные граждане знают историю Латвии даже несколько лучше, чем те, кому не нужно было проходить этой процедуры. Довольно примечательно и отсутствие в сегодняшней Латвии единого обязательного школьного учебника истории: каждый учитель может выбирать из пяти-шести учебных пособий или создать свой авторский курс. Выбор точек зрения здесь довольно обширен, хотя в принципе существуют контуры и «опорные пункты» общепризнанной модели.

Тезаурус исторических эпох латышской национальной истории в целом строится на основе современной общеевропейской конвенции (делится в основном на периоды древности, Средневековья, Нового и Новейшего времени), хотя имеются и некоторые отличия, например, выделяемый в рамках «древности» период «Древняя Латвия» отсутствует во многих других, например в литовской историографии. Выделяются, как правило, такие периоды, как «Древняя Латвия», «XIII век», «Немецкие времена» (1184–1561), «Курземское герцогство» (1562–1629), «Добрые шведские времена» (1629–1721), «Русские времена» (XVIII в. — первая половина XIX в.), «Народническая эпоха» (1850–1870-е гг.), от «нового течения» к «латышской революции» (последняя треть XIX — начало XX вв.) и путь к обретению государственной независимости (1905–1918 гг.), «Сами в своем государстве» (1918–1940 гг.), Советская/оккупированная Латвия (1939–1990 гг.), «третья атмосфера», «песенная революция» (середина 1980-х — начало 1990-х гг.) и вторая Латвийская республика (1991–2003 гг.), которая плавно переходит в современный, еще не получивший общепризнанного обозначения период, который может быть назван по заглавию книги философа Майи Куле «Еврожизнь» [Kūle 2006].

Каждый из исторических периодов имеет довольно сложную стратиграфию (поскольку переосмыслились формирующие их исторические события) и свои особенности исторической референции общества (что видно в работе школ, музеев, в выставочной, досуговой деятельности, а также по материалам искус-

ства и повседневной культуры). Анализ того и другого может показать, что именно на разных этапах формирования латышской национальной истории представлялось **«историческим своим»**, интерпретировалось как предшествующее современному состоянию, что позитивно осмыслялось как часть латышской/латвийской культуры и что вытеснялось за пределы «истории Латвии»/«истории латышей» и объявлялось случайным, ненужным, чуждым и даже вредным.

Разберем один, самый ранний период латышской национальной истории — «Древнюю Латвию».

Латышская национальная история нередко начинается с раздела **«Древняя Латвия»** (*Senlatvija*), датируемого с неопределенной древности до конца XII в. В современной научной литературе это обозначение исторической эпохи используется редко, однако оно типично для учебников истории, популярной литературы, пояснительных текстов к выставкам и музейным экспозициям. Речь идет о древнейшем историческом периоде, когда в письменных источниках появляются первые сведения о народах — предках современных латышей. Доступный в отношении этого времени материал — постепенно нарастающие археологические и палеоантропологические сведения, в особенности датируемые различными стадиями железного века, — обрисовывают более или менее определенную картину облика местного населения, их хозяйства, транспорта, жилищ, поселений и занятий. Крайне небольшое количество письменных источников (в основном «далекого взгляда») и скудость имеющейся в них информации, указывающих на этническую принадлежность и тем более представляющих какие-либо этнографические черты, чрезвычайно затрудняют построение ясной этнической картины региона. Значительные проблемы в исследовании ранней истории Прибалтики отмечает археолог А. Вакс [Vaks 2000: 46–67]. Лингвистические данные — важный источник для реконструкции культурной картины исторической эпохи, однако в отсутствие письменных текстов их применение становится довольно гипотетичным, а выводы плохо верифицируемы.

Следующий период национальной истории Латвии носит названия «государство Ливония», «государство Мары¹», «немецкие времена (1184–1561)», в котором иногда особо выделяется «XIII век». В немецкой историографии XIX в. он выступает первым «историческим» периодом балтийских земель, сменяющим «археологическую» древность и «предысторию», разные

---

¹ Māras valsts — «государство Мары», т.е. посвященное Орденской властью Пресвятой Деве Марии (Мара — латонизированное «Мария»), так обозначается Ливония у А. Спекке.

стадии железного века. По сути дела, в немецкой остзейской историографии это время начала местной истории, формирования государственных образований, общественных классов, развития ремесел (и, в частности, каменной архитектуры), градостроительства, появления религии. Отчетливо читается культуртрегерская идея принесения сюда порядка, прекращения междоусобных войн между местными племенами и введения балтийских земель и их народов в ареал христианского Запада. Преодолением этой точки зрения и стала латышская национальная история¹.

До начала XX в. в остзейской историографии доминировала «германская» модель балтийского железного века. Одним из главных ее авторов был Адольф Фриденталь, интерпретировавший все археологические находки в Северной Прибалтике до середины железного века как германские, более поздние — как финские; обнаруженные поселения в Восточной Прибалтике — как германские колонии [Reallexikon 1929: XIII].

Раннегосударственные образования у ряда племен здесь уже существовали, однако не была развита письменность. Судя по археологическим данным, к XII—XIII вв. на территории Латвии существовало около 250—300 обжитых городищ, которые были центрами округов или земель, а также раннегосударственных образований (типа Ерсика, Кокнесе, Курса²). Границы часто проходили по рекам, маркировались камнями-валунами. Междоусобные распри, по-видимому, преобладали над непостоянными союзами, заключавшимися, как правило, в целях наживы и защиты.

Археологические исследования XX в. показали гораздо более высокий уровень материальной культуры местных народов до XIII в., чем это предполагалось в немецкой остзейской историографии, и несомненную последующую деградацию ряда традиционных ремесел (в частности, обработки металла, изготовления украшений, некоторых форм ткачества).

Истоки формирования представления о «Древней Латвии» лежат в конце XVIII — начале XIX в. и прежде всего в художест-

¹ При этом особенное внимание было обращено на регрессивные факты в истории балтских народов. Например, полученный в XX в. археологический материал свидетельствует, что в XIII в. деградирует ювелирное и оружейное ремесло (в особенности в Курземе), тонкорунное овцеводство, упрощается латышский костюм (например, исчезают металлические украшения). Ремесло, развивавшееся до XIII в. как предгородское, перемещается в села: города формировались прежде всего как немецкие, ремесло становится цеховым. Доступ не немцев в немецкие цеха был довольно ограничен, хотя собственно латышскими были цеха разносчиков соли, пива и конопли, лиггеры и носильщики. Преимущественно латыши становились извозчиками (выполнявшими также и санитарные функции), а также перевозчиками, паромщиками, лоцманами (базирувавшимися в предместьях Риги). Но ремесло каменщиков и кузнецов развивалось среди латышей только в селах.

² Реконструкцию устройства древнелатышских земель см. в работе: [Mugurēvičs 1999: 54–85].

венной литературе, а именно — в сочинениях Гарлиба Меркеля «Прошлое Видземе» [Merkel 1797–1798], «Ванем Иманта» [Merkel 1802]. Чрезвычайно идеализированный «латышский мир» здесь представлен в художественных традициях немецкого романтизма. Наибольшее внимание уделялось эпохе IX–XII вв., которые показывались как время становления латышского народа, когда «латыши», хотя еще и раздробленные на отдельные племена земгалов, латгалов, куршей и несколько особо стоявших ливов, вот-вот должны были объединиться. Появление немцев осмыслялось как большое зло, отрицательное повлиявшее на все будущее латышского народа.

В разработке темы «Древней Латвии» (хотя еще и без топонима «Латвия», распространившегося широко в конце XIX — начале XX в.¹) в художественной и публицистической литературе активно участвовали младолатыши. Замечательная иллюстрация тому — описанный Юрисом Алунаном «древний латышский город Труса», помещенный им в окрестности Кенигсберга, где собирались и торговали люди со всех окрестных земель — датчане, шведы, немцы, померанцы, поляки, русские, эстонцы, финны; латыши же от них получали большую прибыль.

Таким манером латышские земли скоро разбогатели, и соседние народы захотели подчинить их себе. Особенно датчане и шведы стремились к латышским землям <...> но латыши, а особенно куры, будучи грозными людьми, почти всегда хватили шведских и датских солдат живыми и продавали в плен к арабам, которые за большие деньги покупали крепких шведских и датских мужиков от русских перекупщиков около устья Волги. Благодаря этой торговле латыши получали от арабов тонкие ткани, драгоценные камни, золото и серебро, да в таком количестве, что богатством своим широко прославились. Таким манером датчане и шведы, которые в те времена сеяли панику и ужас по всей Европе, остерегались и боялись латы-

¹ Начало использования слов этнонимического круга с корнем «lat-» (откуда этноним latgalī) для обозначения территории шло в несколько стадий. Средневековое латинизированное обозначение Ливонии — «земли ливов» — относилось к землям, подвластным Ливонскому ордену и его «визави» — Рижскому архиепископству. Параллельно в средненижнемецком языке (в частности, в Рифмованной хронике XIII в.) встречается и Lette, Lettland (отсюда — «летини»), ироническое самоназвание, встречающееся в современном латышском языке; см. драму Лелде Стумбре «Летини»). Вырастание топонима Latvija происходит в середине XIX в. «Латыш именуется латвис, или латис, а свою страну Латью-земле; литовец же именуется лейтис <...> Литовец себя называет летувинкас, свою страну Летува, а страну латышей — Латвия, Латья» [Венелин 1847: 3]. Данные эти Венелин почерпнул из статьи «Откуда происходит наименование латышей», подписанной «lmt» (возможно, Кришьянис Ульманис), либерального немецкого журнала «Inland», выходящего в Тарту, из номера от 3 ноября (№ 44. С. 735). Обозначение страны латышей, «Латвии», впервые появляется в газете «Петербургас авизес» 1862 г., № 6, а потом и в журнале «Маяс виесис» (1887) как «Латава, Латва» (возможно, изобретение Юриса Алуна). Из публицистики «Латвия» попала в поэзию, появляется в стихотворениях Кронвальду Атиса, Аузекилиса, Андрея Пумпура и, конечно, Райниса.

шей, а среди них особенно куров. Если даже шведы и датчане ничего не могли поделать против латышей, то нам легко понять, что латыши не были тогда такими скотами, как австралийские или другие рабские народы, которые теперь, наверно, вымрут под европейским нажимом, но были более образованы, чем шведы и датчане, которые в то время основали так много государств <...> То, что немцы смогли победить латышей, произошло благодаря разрозненности последних и еще потому, что латыши не владели так хорошо военным искусством, как немцы, которые всегда воевали и с итальянцами, и с другими народами [Alunāns 1914 II: 330–331].

Но важнейшим поэтическим образом «Древней Латвии» стал «Замок света» («Gaismas pils», 1872), стихотворная поэма Аусеклиса (1850–1879), ставшая гимном мифу о «потерянном рае»: во «времена Замка Света» латышский народ был свободен и счастлив. Хоровая аранжировка поэмы, созданная композитором Язепом Витолом в 1899 г., получила огромную популярность у латышской публики. Ю. Подниекс «обрамил» ею свой фильм «Conservatorio» (из серии «Советская Латвия», № 23, 1979 г.), посвященный 60-летию юбилею Латвийской музыкальной академии, что показывало упорство и выносливость латышского народа, его способность сохранять свое искусство вопреки советской гегемонии [Vītola 2008: 13–14]. «Замок света» назван проект новой Национальной библиотеки (еще строящееся здание уже можно видеть на обложке учебника по истории Латвии).

Представление о «Древней Латвии» было сформулировано в трудах Ф. Балодиса, А. Швабе, а также искусствоведа Аугуста Тентелиса (1876–1942), юриста Карлиса Дишлерса (1878–1954); они публиковали не только научные, но и популярные статьи.

Альманах «Senatne un Māksla» стал важным местом реализации идеи «Древней Латвии», хотя фактически представленный материал часто и относился к более поздним эпохам или к плохо датированным темам фольклора. Задача альманаха — информировать общество о новых достижениях и открытиях в области «нашей истории», праистории, искусства и фольклора. В значительной степени он конструировал образ «латышской древности», в частности, с помощью избираемых тем. Важной была тема **своей власти**, которая для эпохи до конца XII в. была совсем плохо документирована и относилась к области гипотез. Первый номер открывался **серией портретов Лудолфа Либертса** (1895–1959) **древнелатышских владык**, более или менее кратко упомянутых в основном в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского первой четверти XIII в.: «Nameise, Rex Semigallorim»,

«Westhardus, Rex Semigallorum», «Lammechinus, Rex de Curonia», «Thalibaldus, Senior de Beverin ac Tricata, Princeps Lettorum de Tholowa». Пышный стиль этих парадных портретов, характерный для более позднего периода европейского Средневековья, едва ли отвечал исторической реальности представляемых прототипов.

Тем не менее образы древних владык стали источником национального вдохновения: одной из государственных наград первой Латвийской Республики по закону 1938 г. (в связи с двадцатилетием независимости) стал **Орден Виестура** (Vesthardus Rex) с девизом «Confortamini et pugnate!» («Будьте сильными и боритесь!»), дававшийся военным и гражданским лицам.

Среди картин художника и дизайнера **Ансиса Цирулиса** (1883–1942), одного из основоположников латышского национального стиля, имеются не только обобщенные вневременные стилизованные образы «латышской жизни», хозяйственных, повседневных и мифологических сюжетов, но и несколько чуть более конкретных образов, воспроизводящих «Древнюю Латвию» — это набросок «Минтава, земгальский порт на Лиелупе» (частная коллекция, 1922 г.), иллюстрации к сказке «Сын рыбака» (около 1928 г.), полотно «Древние курши» (1930).

Идею «Древней Латвии» разрабатывал и противостоявший остзейской историографической традиции дипломат, филолог и историк **Арнолдс Спекке**, автор фундаментального труда «История Латвии. Судьбоносная борьба латышского народа на перекрестках Европы» (1948). Историк Андрис Шнее называет его первым латышским научным и столь всеохватным (с древности до XX в.) историческим обзором, хотя и не свободным от заблуждений своего времени, но стремящимся показать именно латышскую национальную историю [Šnē 2008: 376–377]. Первый раздел, охватывающий географический обзор и период с древности до XI в., он озаглавил «Sen Latvija», за которым следует «Государство Св. Девы Марии» (Sv. Māras Valsts), под которым подразумевается Ливония; раздел этот, однако, начинается с главы «Начало русской экспансии». В рамках «Древней Латвии» А. Спекке особенно выделяет IX в., ссылаясь среди прочих на историка J. Marquart, который отмечает период 840–940 гг. как «один из важнейших переходных периодов в мировой истории», когда «сложились основные этнические общности Европы и западных областей Азии» [Spekke 1938: 61; Marquart 1903: V].

«Древняя Латвия» предстает перед читателем как период обретения латышским народом (выделившимся из мигрантов — балтов) **своей** территории: «Географическое положение позволило латышскому народу здесь укрепить для себя сохраняюще-

еся место, а речные пути связали его в живое сообщение и торговлю» [Spekke (1948) 2008]. Это время прославляется как начало формирования древнелатышской аристократии, ранних государств, развития фольклора и материальной культуры.

Образ «Древней Латвии» представлен во многих школьных учебниках Латвии. В урезанном и преобразованном виде он присутствует в советском учебнике истории Латвии под редакцией Я. Зутиса, который в целом следовал данным Ф. Балодиса, критикуя идею миграции народов; новым здесь был особый акцент на «огромной роли» русского народа во всей истории «освобождения» латышского народа; см. также: [Крастынь 1942]. К межвоенному образцу период «Древней Латвии» возвращается в некоторых учебниках истории 1990-х — первой половины 2000-х гг., хотя и не во всех¹.

В учебнике 1992 г. этот раздел начинается с описания культуры жителей «Древней Латвии»: способов изготовления одежды, реконструкции верований и праздников, описания народных песен. Приведена таблица «священных знаков» — «древних орнаментальных знаков», составленная лидером неоязыческого движения диевтуриба Э. Брастыньшем (в 1920—1930-е гг.). Делается вывод: «До появления немцев в Латвии сложилась высокоразвитая культура. Умелые мастера изготавливали повседневную и праздничную одежду, красивые украшения, прекрасное оружие и рабочий инструментарий. Люди верили в Отца Небес — Диевса, в Мать Земли — Мару, в Лайму и в других божеств. Наряду с сезонными переменами в природе и в цикле сельскохозяйственных работ праздновались разные праздники — Зиёмассветки («Зимние праздники», Рождество), Лиелдиена («Великий день», Пасха) и другие. Великое и уникальное явление для мировой культуры — созданный предками латышей обширный кладезь народных песен» [LV 1992: 18—19].

Далее говорится о государствах в Древней Латвии: о возникновении неравенства, городов, правителей земель — государственных образований, о развивающейся торговле. Вот как

¹ В литовской исторической литературе мы не обнаруживаем представления о «Древней Латвии». Гудавичюс в фундаментальном труде «Истории Литвы» в разделе «Индоевропейцы и балты на территории Литвы» характеризует этапы знакомства западного и восточного миров с балтскими народами, ход развития литовского общества, завоевание земель некоторых соседних племен, возрастание роли князей и, наконец, формирование древнелитовского государства: «В XII в. Литву окружали слабые соседи: Древнерусское и Польское государства рассыпались на отдельные княжества, скандинавская экспансия прекратилась, а другие балтские племена и в дальнейшем оставались объектом литовских набегов» [Gudavičius 2005: 30]. Правда, прояснение геополитической, культурной, лингвистической и этнической конфигурации самой «Литвы» того времени требует отдельного разговора.

в целом резюмируется период Древней Латвии: «Чтобы защитить себя от вторжений, строили замки в труднодоступных местах. Около них возводились города. Складывались малые и большие территориальные объединения, государственные формирования <...> В документах начала XIII в. упоминаются Ерсика, где властвовал Висвалдис, Талава с правителем Таливалдисом, Земгальское государство и другие. Сохранились также сведения об упорной борьбе с завоевателями — викингами и русскими» [LV 1992: 23].

Примером школьного учебника национальной истории начала 2000-х гг. в Латвии является двухтомник Индулиса Кеныньша «Латвия на изгибах столетий» (Рига, 2003): Латвия (как территория и государство) здесь «главный герой» повествования. Древняя история Латвии представлена как прогрессивно развивающийся исторический процесс совершенствования материальной культуры¹ и социальных отношений: в V–IX вв. хотя и проходили «постоянные миграции, междоусобные войны», но в результате «шла консолидация, происходило объединение племен, формирование народностей, очерчивание границ этнокультурных образований», на городищах (Кентес, Кокнесе, Даугмале, Дигная, Арайши) строятся укрепления, в древнелатышском обществе началось социальное расслоение (образуется имущий класс — *labieši*, из которых выделяются господа — *kungi*, с другой стороны появляются *drelli* — холопы [Ķēniņš 2003: 3 раздел]). Формируются древние города (Даугмале, Талси, Тервете, Межотне, Ерсика), группы ремесленных и торговых поселков (Икшкиле, остров Доле (Мартыньсала, Саласпилс), около речки Ридзене и Даугавы). Четвертый раздел учебника — «Обитатели Древней Латвии, их материальная и духовная культура» — открывается эпитафией Карлиса Ульманиса: «Пришло последнее время, когда нам всем нужно отбросить мысль о неполноценности нашего народа, все равно, в каком значении и связи. Отбросьте мысль о том, что до прихода чужаков в старые времена наша земля была пуста и бедна духовно и материально».

Этническая ситуация в конце «древней истории» описывается как сложение народностей, предгосударственных или ранних государственных формирований с системой военной демократии, главным врагом которых стали конфликты и предательство многих владык (*pilskungi*), которые сотрудничали с «иноземцами» (*cittautieši*) «и даже иностранцами» (*svešzemnieki*) для укрепления своей личной власти. «Случай, когда

¹ Особенно период I–IV вв. н.э., эпоха развитого металла: «В работах многих историков он назван “золотым веком”, подразумевая быстро развивающуюся материальную культуру» [Ķēniņš 2003: 103].

принадлежавшие одной народности люди, но относившиеся к разным административным политическим единицам, особенно их господствующие слои, еще не ощущали общего единства с народом, не осознавали самой силы народного единства, известны в нашей истории» [Kēpiņš 2003: 167]. Автор приводит обозначения местных древнелатышских владык (известные по латинским сочинениям XIII в.): rex («король»), quasi rex («подобный королю»), regulus («царек»),dux («вождь»), seniores («старшие»), meliores («бóльшие»), princeps («первый, главный, князь»), а также закрепившееся в латышском языке kungs, которое считает заимствованием из древнешведского kung или средненемецкого kunig. Описываются области обитания куршей, земгалов, селов, латгалов и ливов¹, в ряде случаев приводятся и имена «королей», «старейшин» и других владык (первые сведения о которых содержатся в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского начала XIII в.).

Описанная в этом учебнике «древнелатышская» духовная культура полностью основана на модели неоязыческого (фактически же романтизированного, облаченного в «народные», крестьянские, мифологические «одежды» протестантизма) движения диевтуриба, возникшего в Латвии в 1920-е гг. Описываются древнелатышские божества — Диевс, Сауле, Перконс, Велнс, почитаемые «матери» — подательница судьбы Лайма (а также Декла, Карта), Мара, сначала богиня подземного царства, усопших, потом ставшая ответственной и за роды и хозяйство. В учебник попал и отголосок теологического спора между диевтурами и их противниками: «Есть и другие мнения, что это имя пришло вместе с христианством и происходит от имени Божьей Матери, Марии, и в сущности под ней подразумевается древняя Лайма, но этому выводу нет обоснования ни в латышском, ни в других фольклорах» [Kēpiņš 2003: 220].

Если термин «Древняя Латвия» (т.е. локальный и даже государственный аспект латышской древности) во многом остался частью исторических и поэтических повествований 1920—1930-х гг., то представление о «древнелатышском» (т.е. этнической преемственности от древности к современности)

¹ Курши обитали в землях Пилсатс, Магава, Цеклис Дувзаре, Пиёмаре, Бандава, Вентава (в этих трех властвовал Ламекин), Ванемаа (тут жило смешанное прибалтийско-финское и куршское население), землях между Скрундой и Земгеле. Среди их особенностей упоминаются воинственность (они осуществляли набеги), торговые связи со скандинавами, они кремировали своих усопших и прах бросали в воду или погребали. Земгалы обитали в землях Тервете (их владыка — Виестартс или Виестурс), Межотне, Добеле, Силене, Спарнене, Ракте, Упмале. Селы в Селпилсе, Альтене, Дигнае. Латгалы в Ерсике, Толове (Талаве), Кокнесе, Имере, Атзеле. «Зная зависимость (хотя и относительную) латгалов от русских князей, можно полагать, что латгалы были с военной точки зрения слабее, чем курши и земгалы, которые могли противостоять чужеземным вторжениям, сохранить самостоятельность до конца XIII в.». Ливы жили в Метмеполе, вдоль Гауи, на правом берегу Даугавы, в Идумее и части Курсы.

гораздо более широко распространено в разных формах исторических текстов.

Подчеркивается преемственность латышского декоративно-прикладного искусства (особенно развивавшегося в латышской эмиграции) от ремесленнических традиций «седой древности», «праистории», художественного вкуса «древних латышей» (хотя в ряде случаев, например резьбы по дереву, почти неизвестных) и общего настроения латышей всех времен на «красоту», «украшенность» как непременную составную часть культурной среды [Latviešu daiļamatniecība 1949].

Интерес к своей, не столько национальной, сколько локально-национальной, истории нередко проявляется в школьной и музейной краеведческой деятельности Латвии. Определенный мистицизм был заложен в проекте, осуществленном в 2005–2006 гг. при Валмиерском музее, «Я ищу Беверину», который был направлен на постижение истории земли латгалов Талавы, его правителя Таливалда и ее легендарной «столицы» — Беверины (место расположения которой точно так и не определено).

В поселке Лиелварде, расположенном в 70 км от Риги на живописном берегу Даугавы, с 1997 г. существует «**Замок Улдевена**», или «**Древнелатышский замок**». Это частная собственность и результат труда семьи художника-карикатуриста А. Лиепиньша; множество построек-реконструкций, воздвигнутых благодаря помощи различных спонсоров, размещено на крохотной территории, обнесенной стилизованным деревянным частоколом и защитной стеной.

В информационном буклете говорится: «Городища в Латвии существовали с начала новой эры до конца XIII в., когда дальнейшее их развитие прервало воцарение немецких феодалов. Лиелварде — издревле обжитое место; крепости местных феодалов тут были всегда, и в начале нашей эры, и в начале крестовых войн. Замок Улдевена — не реконструкция конкретного городища. При создании защитных стен и жилых построек тут использовались разные археологические образцы — из Межотне, Талси, Раунас Танискалнс, и таким образом сформировалась идеальная реконструкция общего балтского городища, обители владыки. Посетители Лиелвардского древнелатышского замка, поднимаясь по защитной стене крепости, могут почувствовать себя в роли воина XII в., в жилом доме — посидеть при свете свечи, осмотреть реконструкции одежды того времени, с замиранием сердца войти в комнату владыки, где происходили собрания дружины, послушать рассказы гида и познакомиться с историей жизни латышских правителей, а также купить открытки и сувениры».

Предлагается также проведение древнелатышского свадебного ритуала, небольших семейных торжеств, детских праздников (с играми), катание на упряжке лошадей. Хозяин, его супруга и мать, облаченные в реконструированные «древнелатышские» костюмы, сами выступают в качестве гидов. Они не называют свой «замок» музеем (профессиональные археологи и историки иногда предъявляют к нему серьезные претензии, а некоторые даже прямо называют «фуфлом»), подчеркивая его развлекательные функции, но гордятся тем, что, хотя по многим параметрам их творение больше похоже на театральные декорации, место прогулки с детьми или приема свадеб в «археологическом» стиле, «Замок Улдевена» — один из самых посещаемых туристических объектов Латвии, представляющих древнюю историю своего региона. Фотографии этого «замка» помещаются в некоторые школьные учебные пособия по истории.

Один из клубов исторической реконструкции Латвии, «**Мастерская древней среды**», также ориентирован на воссоздание латышской древности и в особенности — IX в. Эта группа экспериментальной археологии ориентирована на изучение, реконструкцию и переживание повседневной жизни древних балтов. Идея создания «Мастерской» пришла реставратору Арису Алсиньшу. Примерно в 1993 г. он вместе с семьей и небольшой группой единомышленников начал создавать древнелатышское поселение, занялся добыванием болотной руды, ковкой железа и изготовлением металлических изделий, в том числе и украшений. В 1996 г. группа составляла всего около десяти человек. Постепенно, используя археологические данные, материалы исторической реконструкции, они начали реконструировать образ жизни древних латышей, их среды обитания, повседневности — костюмы, пищу, фольклор. Проводятся и летние лагеря по экспериментальной археологии, главной задачей которых является организация опыта переживания повседневности древности (приготовление пищи, рыбная ловля, рубка дров инструментами и способами того времени). Сложилось два вида деятельности — закрытые лагеря, «только для себя», деятельность, которую они называют «экспериментальной археологией», и участие в официальных мероприятиях (фестивалях «Балтика», Праздниках песни, на праздновании 800-летия Риги и т.п.). В разговоре участники «Мастерской» Иева Пигозне и Улдис Бринкманис в 2000 г. рассказали мне о некоторой неудовлетворенности вторым типом деятельности: ребята вынуждены заниматься этим в основном из финансовых соображений, это заработки, большого удовольствия не приносящие, и «вообще-то было бы лучше без этого». Не любят «мастерские древней среды», когда живут в своем лагере,

и случайного общения с соседскими мальчишками: «Когда они приходят — тогда у нас ничего не выходит. У них другая одежда, это рождает диссонанс, мы носим одежды древности. С ними приходится разговаривать, их нужно развлекать. Вместе — мы семья, живем своей жизнью, и для нас это — паломничество». Взяв за образец археологическую реконструкцию Яниса Апалиса в Арайши, они построили дом на хуторе недалеко от Риги исключительно для своих, внутриклубных целей. «Но мы не можем охотиться или заниматься только сельским хозяйством. Зато мы изготавливаем одежду, готовим пищу, строим дом» [ПМА, 2000, интервью с Иевой Пигозне].

Осенью 1999 г. «Мастерская древней среды» была зарегистрирована как общественная организация, президентом ее стал Улдис Бринкманис (через несколько лет, после его внезапной гибели, основная работа легла на плечи его вдовы, Иевы Пигозне-Бринкмане); к 2000 г. в ней было 18 членов. Целью было поставлено «изучение и отражение среды и образа жизни древних балтов и скандинавов IX в.», объединение людей, которые интересуются их историей, ремеслом, культурой, археологией и образом жизни в согласии с природой. Наряду с организацией лагерей они занимаются имитацией исторических событий, проводят экскурсии, участвуют в популяризации истории, в частности во время дней древних ремесел в разных местах Латвии и Литвы.

При том что далеко не всю свою деятельность они стремятся сделать публичной, этот клуб активно участвует в работе фестивалей средневековой культуры, на, так сказать, «этнопикниках», выезжает на костюмированные базары по Латвии и Литве, где раскидывает лагерь и показывает свою реконструкцию приготовления пищи, лепки керамики, обработки дерева и металла, которую они относят к периоду приблизительно IX в. Девятый век выбран не случайно. Как говорят участники, «с одной стороны, в это время материальная культура восточных балтов была уже достаточно высоко развита, а с другой — иноземных влияний было мало, древнелатышские народы еще были независимы». Кроме того, поскольку об исторических событиях этого времени почти ничего не известно, возможна большая свобода фантазии. Своего рода стремление к эскапизму, созданию идилической картины мирного крестьянско-ремесленнического сообщества в безвременье, а также к разыгрыванию фэнтези тоже объединяет участников «Мастерской древней среды».

В какой-то мере похожа на них группа «Вилкачи» (руководитель Давис Сталтс), занимающаяся преимущественно реконструкцией древнелатышского воинского снаряжения и оружия

и традициями рукопашного боя. Кроме того, они поют (песни их основаны на латышском фольклоре); издают альбомы, совместно отмечают календарные праздники, участвуют в фольклорных фестивалях; иногда их приглашают на частные вечеринки с показательными выступлениями.

Латышская древность регулярно моделируется в художественной литературе. Однако трудно найти произведение с исторической референцией, которое было бы независимо от последующего «периода», в особенности событий конца XII–XIII вв. и их интерпретации. В стихотворении Мариса Чаклайса «Древний курземский город Ниниве» (и других его произведениях), в романе Валдиса Румниекса «Куршские викинги» [Rūmnīeks, Migla 1998] показан образ IX в., его военные перипетии, сцены битв и мирной жизни. Другое дело — бессобытийное повествование, представленное, в частности, в сочинениях Яниса Веселиса (особенно его романтические «сказания» на мифологические и исторические темы, в частности «Tīrs laimas» (1929), «Latvju teiksmas» (1943), В. Плудониса, в поэме Э. Вирзы «Страумены» (ставшей одним из литературных столпов «латышскости», где показано этнографическое «безвремяе», идеальная хуторская картина со сменой сезонов года и образом дома), в «Белой» и «Зеленой книгах» Я. Яунсудрабиньша и мн. др.

Весьма интересной формой референции к «латышской древности» стала развивающаяся в Латвии традиция исторической реконструкции металлических украшений и технологий их создания, или т.н. «экспериментальной археологии». Одними из первых стали мастер-ювелир Даумантс Калныньш (создатель в 1997 г. «Кузни древних украшений» при музее в Цесисском замке [Kalniņš 2007]), Марис Браже (из Бауски), семья Страупе (из Сигулды) и др. Они создают вокруг себя культурное пространство, включающее регулярное обучение, мастер-классы, участие в конференциях и семинарах, фестивалях средневековой культуры; создаваемые предметы поступают в фонды музеев, используются на выставках, а также продаются для всех желающих приобрести эксклюзивный сувенир (такие украшения сейчас модны) или даже целый комплект украшений из реконструированного костюма древности.

Итак, в современной Латвии в отношении «Древней Латвии» имеются опыты исторической реконструкции (и даже в ряде случаев с опорой на труды профессиональных археологов, как, например, при реконструкции древнелатышского озерного поселения в Арайши Я. Апалсом), но в гораздо большей степени видна работа «исторического воображения». Этот период моделировался в середине XIX в., а также в 1920–1930-е гг., во второй половине 1980-х гг., и каждая из этих эпох стала не

просто фильтром, но последовательно порождающим механизмом сотворения «Древней Латвии» как «места памяти» эпохи формирования латышской нации. Образы «Древней Латвии» укоренились в искусстве, литературе, повседневности, став общим местом в массовой исторической памяти и существенным атрибутом латышского национального сознания. Они находятся в прямой зависимости от следующего периода, «XIII века», который ознаменовался началом западной христианизации балтийских земель (что фактически началось еще с конца XII в.), созданием тут отчетливых государственных образований с иноземной властью, а также началом формирования корпуса письменных источников «близкого взгляда» начиная с «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского. Это важнейший и самый критический для латышской национальной истории период: именно его события, отраженные в национальном эпосе, описанные и интерпретированные в сочинениях младолатышей, фундаментальных трудах Ф. Балодиса, А. Швабе, А. Спекке, а потом и многих других, составили основу всех последующих эпох.

Христианизация балтийских земель, формирование Рижского архиепископства и деятельность Ордена меченосцев, а затем и Ливонского ордена оцениваются преимущественно негативно, и этому твердо противопоставляется борьба с ними древних латышей (земгалов, латгалов, селов, куршей; несколько особое положение здесь занимают, как правило, ливы).

В основе мифа о XIII в. лежит представление об общей беде, начале коллективных страданий будущего латышского народа — древних ливов, латгалов, селов, земгалов, куршей, и в целом их неудавшемся противостоянии завоевателям. Миф гласит, что «латыши в XIII в. потеряли свободу, были крещены огнем и мечом, за чем последовали 700 лет рабства» [Krēsliņš 2004: 367], что завоевание и христианизация Балтии нарушили шедшие тут процессы общественного развития, формирование собственной государственности и интеграцию племен.

Из этого круга представлений вытекает поэтическая метафора латышского народа как «народа-сироты» (*bagēnu tauta*), с тех пор вечно страдающего, вынужденного, выживая, подчиняться власти чужаков. Формируется и апологический тезис, гласящий: хотя мы были завоеваны, лишены власти на своей земле, но сохранили свою культуру (крестьянскую, хуторскую и сельскую, что выражено в устройстве и убранстве латышской усадьбы, общественной жизни, культуре повседневности, обычаях, праздниках, фольклоре) и язык. Как наиболее сложная тут встает проблема национального героя: каждое из исторических событий рождает, как правило, в латышском обществе не-

сколько разных и даже противоположных интерпретаций, и формируются позиции, каждая из которых может характеризоваться как героическая и антигероическая. В латышской национальной истории исторические личности делятся на «героев» и «предателей» (обозначенных по имени героя поэмы Райниса «кангарами»), хотя имеются редкие примеры более неоднозначной интерпретации (прежде всего это старейшина ливов в начале XIII в. Каупо). В современном общественном сознании латышей общим местом остается сравнение истории своей и литовского народа, память о том, что литовцы сформировали свое государство и долго противостояли завоеванию, предкам же латышей пришлось принять иноземную власть и государственность.

Особенно укрепился миф о XIII в. в период 1930-х гг., когда были написаны крупные национальные исторические повествования, которые работали в русле выдвинутой К. Ульманисом политики массовой истории «воспитания чувства народного единства», «выстраивания народного самосознания в духе гордости за свой народ», «укрепления основ будущего» [Ulmanis 1937a; Ulmanis 1937b].

Повышение актуальности исторического мифа о завоевании вело к усилению разделения общества на «своих» и «чужаков»/«врагов». Историки и археологи были вовлечены в процесс создания латвийской историографии, которая, как предполагалось, поспособствует тому, чтобы «латыши задумались о себе как о народе с прошлым, а не как о только лишь коллекции племен на побережье Балтийского моря; об общности, в которой уже в средние века можно увидеть зерна национальной мысли» [Plakāns 1989: 23–24]. Они опирались на исторические документы (материалы хроник, правовых документов) и археологический материал. Если в 1920-х — начале 1930-х гг. положение о древней государственности находилось на уровне дискуссий, то после 1934 г. стало важной частью официальной историографии, составив основу положения «мы — единый народ». Ф. Балодис в 1936 г. сформулировал тезис о «светлой, сильной, в культурном смысле высоко стоящей свободной Древней Латвии, которая суть основа молодой, возрождающейся Латвии и путеводитель всем латышам» [Balodis 1938].

Яркими сторонниками и творцами этого мифа стали латышские неоязычники — диевтуры. Их виднейший представитель, исследователь городищ Э. Брастыньш писал о древних балтах как о словно бы изъятых из хода истории: «Древние балты стоят словно центр посреди других народов древности <...> Балты не творят историю, если мы имеем в виду под историей изменения определенных явлений. Они сохраняют в своем постое-

янном состоянии материальные и духовных традиции и стоят, охраняя свою землю. Язык, обычаи и религия не менялись, но передавались в поколениях и почитались. Балты стали частью истории благодаря отсутствию собственных действий. Но когда они наступают, то они проявляются поистине благородно и героически» [Brastiņš 1936: 12].

В отчетливой форме мотив борьбы против как западных, так и восточных завоевателей проявился в послевоенной исторической литературе латышского зарубежья. Центральный мотив книги Улдиса Германиса «Приключения латышского народа» (первое издание в 1959 г., шведское издательство «Даугава») — борьба латышского народа за свои права и свободу; автор указывает, что ее цель — не столько дать необходимые знания в области истории, сколько пробудить в читателях интерес. Другой подобной книгой — хотя и написанной в иной манере — стала книга Айварса Рунгиса «Идет латыш сквозь века» (1982): здесь история служит фоном для разворачивания темы «латышскости».

В учебнике истории И. Кеньныша XIII век, положивший «тень креста над балтийскими народами», описан в подразделах «Огнем и мечом» и «Под флагом Божьей Матери». История здесь излагается как подчинение ливов, селов, латгалов, завоевание земель эстонцев, подчинение куршей, уничтожение пруссов, колонизация земель западных балтов. Особо выделяются земгалы, ведшие «столетнюю войну за независимость».

Тринадцатый век богато представлен в латышской художественной литературе. События, ассоциируемые с концом XII — началом XIII в., описаны в сочинении «Ванем Иманта» Гарлиба Меркеля (одного из создателей мифа о порабощении латышей¹), в эпической поэме А. Пумпурса «Лачплесис» (1888), заложившей главный латышский миф, отсылающий к XIII в. и отражающий борьбу древнелатышского народа с немцами-рыцарями, позднее в трудах Райниса («Играл я, плясал», «Огонь и ночь» и др.) и многих других поэтов и писателей — Аусекли-

---

¹ До Г. Меркеля были и другие обличители, прежде всего лютеранские пасторы. Они описывали истории балтийских народов, обличали католичество, монахов, которые, с их точки зрения, приравнялись к слугам дьявола. Их обряды и традиции уподоблялись идолослужению, а народ в их приходах оказывался вовсе некрещеным, языческим. Миф о 700-летнем рабстве латышей [Kļaviņš 2004: 47–57] тоже впервые появляется в сочинении Гарлиба Меркеля «Латыши, особенно в Ливонии, на исходе философского столетия». На это время как бы исчезает «качественная» история Латвии (персоналии, биографии), чтобы появиться только в середине XIX в. и довольно внезапно, в форме организованного движения «пробуждения» [Seire 2006: 30]. Т.е. провозглашается, что были добрые старые времена, пришли завоеватели и поработили народ и установилась тьма, бесправие, пьянство. Эта позиция не рассматривается в серьезной профессиональной балтийской историографии, но в массовом сознании она довольно сильна и влияет на формирование стереотипов. Многие историки, в частности А. Дзенис, считают такое представление парализацией, блокировкой развития исторического сознания.

са, Я. Лаутенбаха-Юсминьша, Я. Веселиса, В. Лама, Визмы Белшевиц.

Однако, несмотря на широкое распространение этого мифа в латышском обществе, с самого начала его появления и до настоящего времени существовали и существуют его критики [Dzenis 2008: 42–47].

Прежде всего, все письменные источники недвусмысленно говорят об отсутствии единства среди древнелатышских народов. Немецкие торговцы, как и ранее скандинавские и, по-видимому, отчасти русские, и следовавшие за ними христианские миссионеры и Орден воспринимались большинством балтских племен как важный фактор укрепления своей власти и влияния среди соседей. Практически все набеги, междоусобные войны XIII в. совершались совокупными силами местных и новоприбывших. Принятие христианства было скорее политическим, чем духовным актом. Историк Э. Эйхмане считает, что в общеевропейской перспективе христианизация балтийских народов была неизбежна, причем в тех исторических обстоятельствах именно в форме крестовой войны, т.е. экспансии. Кстати, так же полагал и А. Спекке: между политическими усилиями двух церквей судьба балтийских народов (долгое время находившихся вне прямого их влияния) была предрешена [Spekke 1957: 124]. Р. Бартлетт даже пишет, что именно то, насколько рано тот или иной народ Восточной Европы принял христианство, предопределило его сохранение как этнической единицы [Bartlett 1993: 84]. Солидаризируясь с выводами А. Шнее и признаниями националистически настроенного в целом историка И. Штерна, Эйхмане пишет, что в Восточной Латвии в эпоху позднего железного века хотя и было несколько ранних государственных образований, но они скорее были редким исключением на фоне в основном племенных сообществ, что было подобно положению древнегерманских народов в VII–VIII вв. [Šnē 2002: 364; Šterns 2002: 111–112]. После оформления власти Ордена и епископства на территории Ливонии не наблюдалось никаких объединительных тенденций [Eihmane 2006: 15].

Другой компонент мифа о XIII в. — его героический аспект — связан с представлением об осознанной постоянной борьбе древних латышей против завоевателей, что является проекцией середины XIX в. на XII–XIII вв. Хейки Валк пишет, что не было в Ливонии «латышского» и «эстонского» этнического самосознания, среди единиц самоидентификации доминировала «деревня», поселение [Valk 1999: 219–220]. Борьба друг против друга была не меньшая, чем против немцев; об этом пишет и В. Урбан [Urban 1979: 38; цит. по: Eihmane 2006: 16]. О содей-

ствии балтийских племен немецким крестоносцам, об их совместных походах против других местных племен (эстонцев и литовцев, в частности), что в результате и привело к формированию Ливонии, пишут Э. Кристиансен [Christiansen 1980: 97] и А. Швабе: «Стоило только немцам построить крепкие замки на Даугавском пути и доказать, что русские не могут их взять силой, как были созданы психологические условия для перехода ливов и латышей под власть епископа. Порядок и жизненная уверенность были важнее, чем мало ценимая и разорительная автономия под русским суверенитетом. Поэтому ливы согласились платить дань немецкому рыцарю, который лучше умел защитить жителей против грабителей, чем свои правители и русские господа» [Švābe 1921: 88–89].

Некоторые историки пытались предсказать возможное самостоятельное развитие балтийских племен, если бы они не подверглись христианизации и экспансии. А. Швабе полагал, что имело бы место нарастание сепаратизма, отдаление языков. Он пишет, что именно объединение древнелатышских племен под властью Рима в рамках новых территориальных единиц дало им возможность противостоять влиянию русских и литовцев [Švābe 1921 I: 2 часть, 94]. Немецкий историк Бруйнинг полагает, что латыши потеряли бы свой этнический облик, растворялись в массе славянских колонистов и став позднее русскими. Э. Кристиансен пишет, что в истории XIII в. у древнелатышских народов было две возможности — подчиниться Ордену или литовцам [Christiansen 1980: 126]. А. Цауне предполагает, что если бы не немецкое завоевание, то территории куршей и земгалов отошли бы к Литве, а области Видземе и Латгале подверглись бы впоследствии сильному влиянию России.

Совокупность сложных представлений о событиях конца XII — начала XIII в. заложила основу модели латышской национальной истории, до сих пор актуальной и проявляющейся при построении других исторических эпох. «Нескончаемость» XIII в. в Латвии — одно из общих мест в описании этнической психологии и способов разрешения общественных конфликтов.

В литературе, искусстве, публицистике, знаковой сфере, повседневной культуре межвоенной, советской и современной Латвии имеется огромное количество исторических отсылок к тому периоду, однако чаще всего посредниками между ними являются художественные произведения эпохи атмоды 1850–1860-х гг. и второй половины XIX — начала XX в. В поэтическом сборнике «Годовые кольца» (1969) Визмы Белшевиц (1931–2005) главным стихотворением стало «Заметки Генриха

Латыша на краях Хроники Ливонии», представляющее внутренний монолог автора знаменитого исторического источника, противопоставленный его «публичному» (т.е. формальному) тексту. Совершенно очевидны современные коннотации этого произведения, взывающие к осуждению лжи и осознанию истины, говорящие об отчужденности власти. В. Белшевиц обращает критику и на латышский народ как «народ предателей»: «Народ предателей, стоит ли / За тебя стоять, за тебя голову сложить? <...> О народ холопов! В сладкой радости дрожит / Твоя спина, когда хозяин тебя не бьет, / Но твоих братьев. В ожидании зубы чешутся, / Чтобы припасть к кровавой ране брата, / Ведь в руке господина мерцает знак чести».

Разнообразные исторические ссылки на события в Латвии с 1199 г. до 1906 г. имеются и в цикле стихотворений В. Белшевиц «Письмена времен» (1963–1986) и в сборнике «Подмаренник» (Madaras, 1976). Сквозная идея автора — большие, официальные, поддержанные властью «истории» в целом все же лживы, истинны же отдельные, личные события, переживания. Однако Папа Иннокений III у нее отдает приказ: «Иди, отнимай у языческого народа землю, язык и свободу». Заканчивается цикл стихотворением «Годовой баланс, или Наука сильным земли сей»: «Нужно приобщать людей к бесчестию», «и только тогда, когда в честном обхождении уже видят провокацию <...>, / тогда делайте с этим народом, что хотите. Не нужно больше даже / убивать. Раб перекусит горло брату, если тот / схватится за его цепи» [Belševica 1999].

Весьма своеобразный взгляд на историю конца XII — начала XIII в. представляет издающийся в настоящее время роман-трилогия Яниса Лейиньша «Печать в красном воске» (к настоящему времени вышли два тома — «Братья, 1162–1184» и «Король, 1184–1192»). Он задуман как историческая эпопея, отражающая на широком историческом и даже космическом фоне формирование государственных объединений латгалов Талавы и их героическую борьбу с немецкими крестоносцами. Роман снабжен картами и довольно подробными комментариями, что делает его похожим (как это несколько раз отмечает в послесловии историк Рита Гравере) на исторический труд. Однако среди вполне достоверных ссылок тут имеются и такие даты, как «12704 год после того, как была разбита Сампо», где речь идет о мифологической мельнице из «Калевалы», уничтожение которой автор интерпретирует как космическую катастрофу, совпадающую с «началом календарей древних индийцев, египтян и ассирийцев» [Lejiņš 2004: 387]. Р. Гравере отмечает «удивительно современные параллели, которые возникают у латышского читателя в ходе чтения романа» [Lejiņš 2004: 395], а также его высокую психологичность при сохранении повествователь-

ной интриги и напряженной художественной выразительности. Роман написан в романтическо-националистическом ключе с элементами фэнтези, все образы крайне поляризованы (четко различаются положительные персонажи — «свои», отрицательные — «чужие» и свои-«предатели»), единственная сверхзадача — еще раз перечитать «Хронику Ливонии» с целью показать героическую борьбу древнелатышского народа с иноземными завоевателями.

Тема латышской древности и героической борьбы предков латышей с крестоносцами стала очень популярной в любительских театральных представлениях Латвии в 1920-х гг. Это была прежде всего постановка «Наши предки» (*Mūsu senči*) театра из Цесиса, показанная в Кулдиге (1921), Риге (Межапарке) в 1923 г., Кулдиге (1930), с крайне эклектичными стилизованными костюмами. Продолжали развивать эту тему и в советский период (ставились пьесы Райниса «Огонь и ночь», «Индулис и Ария»), хотя идеология предполагала подчеркивать роль русского народа в борьбе латышей против «захватчиков». Новая, уже исключительно латышская национальная линия появилась в общественной роли рок-оперы Зигмара Лиепиньша и Мары Залите «Лачплесис» (первое представление — 1988 г.), хотя в этой интерпретации произведения А. Пумпура (как и в постановке постфольклорной группы «Ильги» начала 2000-х гг. пьесы Райниса «Играл я, плясал я») видны скорее универсальные черты мифологической мистерии.

Реконструкцией XIII в. занимаются «Ливонцы» (*Livonieši*) — общественная организация, официально зарегистрированная в 1997 г. и объединяющая около 20 человек, ее члены имеют право носить оружие. Цель «Ливонцев» — изучение средневековой борьбы и образа жизни, реконструкция элементов материальной и отчасти духовной культуры земель Латвии XII—XIII вв. Обществом руководят председатель и правление; отдельные члены общества имеют статус «лабиешы», приравненный к братьям Ордена меченосцев, существуют должности маршала, младших братьев (*стонниеки*), оруженосцев. «Ливонцы» занимаются физическими тренировками, искусством владения оружием, изучают материальную культуру и историю Средневековья Восточной Прибалтики. Идеологическую и религиозную пропаганду они не ведут: предполагается, что каждый из членов может верить во что угодно, фактически речь идет о выборе между христианством и древними латышскими верованиями. Некоторые «ливонцы» сами сочиняют песни наподобие латышских народных о борьбе с врагами, о радости, что вернулся живым домой с войны, о поисках невесты, грусти. Например: *Tai kreslai nesedēšu, / kur sed mani naidnieki, / Apjozišu zobentiņu, / tad sedēšu tai kreslai* — «На том стульчике не буду си-

деть, / где сидят мои враги, / Подпояшусь мечиком, / тогда сяду на тот стул». Ливонцы сочиняют о своей деятельности «хроники» в стиле Генриха Латвийского, но это творчество носит во многом пародический характер, и создаются, и воспринимаются подобные произведения с юмором.

Почему они выбрали именно XII–XIII вв. — спросила я в интервью 1998 г. одного из членов «Ливонцев» Эдмунда Карлсона. «Это было судьбоносное время для латышского народа, — сказал он мне, — нам важно выяснить и показать, каким образом произошло подчинение древних балтийских народов и что было потом. Эпоха несвободы причиняет боль и сейчас, и нам хочется показать, что и в такие времена существовала своя культура» [ПМА, 29.08.1998, Турайда].

В летних лесных лагерях «ливонцы» проводят время вместе, стараются воссоздать повседневный быт Средневековья: учатся высекать огонь кремнием, шить одежды, изготавливать оружие, готовить еду по технологиям своих древних предков. Они участвуют во многих городских и общелатвийских праздниках, фестивалях, а также сами устраивают пиры, на которых готовят пищу, употребляемую в эпоху Средневековья, отмечают календарные праздники, особенно торжественно — Рождество.

Прием в члены общества происходит на общем собрании. Затем еще в течение года человек остается «кандидатом в члены», доказывая постоянство своего интереса к области деятельности «Ливонцев», изготавливает себе одежду, оружие (щит, топор, копье, броню, меч), выбирает новое имя (которое берется из исторических источников, например из «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского — Пайке, Варадолс; имя Янис тоже понимается «ливонцами» как древнее балтское имя).

По политическим взглядам «ливонцы» — люди, настроенные умеренно националистически, и поддерживают в большинстве случаев правую в значительной степени националистическую партию «Отечеству и Свободе»¹ (хотя и могут весьма критически относиться к ее представителям).

«Ливонцы» связаны с другими похожими клубами исторической реконструкции Латвии, например «Сение латгали» («Древние латгалы»), *Senas vides darbnīca* («Мастерская древней среды»), а также с фольклорными ансамблями, вокальными и музыкальными группами, использующими музыкальное наследие Латвии в своем творчестве. Особо тесные связи у «ливонцев» сложились с ансамблем «Вилки» (Волки), выпустив-

¹ «Отечеству и Свободе» — надпись на Памятнике Свободе, главной национальной святыне Латвии.

шим несколько альбомов с военными песнями Латвии разных лет. В 2000-е гг. общество пережило некоторый упадок, однако существует по сей день, хотя уже, по-видимому, в преобразованном виде: среди его членов преобладает склонность к тяжелой музыке, они носят черную одежду, некоторые занимаются различными видами борьбы (из интервью с А. Аузиньшем — Йодсом [ПМА, август 2008]). Таким образом, речь идет уже скорее о молодежной субкультуре с признаками интереса (во многом эмблематическими) к своей национальной истории.

Большой интерес в латышском обществе вызывает тема **городищ** (их на территории Латвии зафиксировано около 250), обжитых в период IX—XII вв., как мест возможного расположения замков древних владык, военных укреплений, центров развития ремесел, основы формирования раннегосударственных образований. Кроме научных исследований археологов, историков и фольклористов [Zemītis 2008: 159—163], городища становятся объектами художественного творчества, исторических реконструкций, символическими культурными ландшафтами, местами проведения фольклорно-этнографических мероприятий — лагерей, дней средневековой культуры, календарных праздников.

Прямая референция на события XIII в. имеется в празднике **День единства балтов**, который отмечается с 2006 г. **22 сентября** в ознаменование битвы при Сауле (1236). В этой битве, согласно данным «Хроники Ливонии», участвовали литовцы и земгалы, и это был один из редких случаев объединения балтских племен против рыцарей Ордена.

Одним из главных инициаторов этого праздника в Латвии был историк и краевед, активный создатель латышской «мифоистории» Ольгертс Таливалдис Аунс, имеющий много культурных контактов в Литве и в 1970—1980-е гг. организовывавший экскурсии по местам обитания древних балтов. По поводу идеи этого праздника Андрис Спрогис, председатель общества «Латышско-литовского единства», в 2006 г. на портале Apollo писал: «Немного дошло до нас письменных свидетельств о солнцестояниях 770 лет тому назад. Многие из них интерпретируются по-разному. Историки до сих пор не могут прийти к единому мнению, где произошла битва при Сауле, около Вецсаулес в Латвии или возле Шяуляй в Литве. Но нет сомнений по поводу самого события — в тот раз объединенные силы латышских и литовских племен разбили нападавший Орден меченосцев, таким образом проложив путь будущего в том направлении, как оно и развивалось. Нет сомнений и в том, что место битвы было на земле Солнца»¹.

¹ Andris Sproģis, biedrības «Latviešu un lietuviešu vienība» priekšsēdis. <www.apollo.lv>. 19.09.2006.

Таким образом, глубоко символически осмысливается и название места битвы «Сауле» (Солнце), и наличие предполагаемых мест битвы на территории современной Литвы и Латвии, и факт осеннего солнцестояния во время битвы. Все это стало основанием современной магической интерпретации этнополитического содержания этого праздника; см. фрагмент позднейшего текста, опубликованного на сайте <www.meeting.oho.lv> в 2006 г.: «День (предполагаемый) битвы при Солнце (Saules kaujas — имеет мифологическое основание, это “битва Солнца” с силами мрака). — Не символично ли это название? — Сауле? Кто вывел балтов в свет? Только сами. Только в борьбе. Только в единстве племен. Ведь мы же есть: пруссы, курши, земгалы, жемайты, аукштайты, латгалы, селы... даже некоторые ятвинги, может быть, сембы. Латыши и литовцы. И братья белорусы. То, что нашу землю отобрали, поделили и торгуют ею унитарные государства насилия — ничего не значит. “Мы настолько велики, насколько велика наша воля” — согласно Райнису. Но еще больше наша свободная земля. Так как, хотя сколько раз в истории ни выбивали, вымирили и вывозились из Латвии от 30 % до местами 70 % ее жителей, сколько ни ввозилось колонистов, мы остаемся — латыши. Так же и литовцы, белорусы. Мы — феномен, недостижимая ошибка в программах империалистов. Великан духа, силы которого умножает сама Земля; он возрождается всякий раз, ударенный о землю»¹.

В этот день проводятся праздничные мероприятия, в которых участвуют латышские и литовские фольклорные ансамбли. На острове Закюсала в Риге фольклорными ансамблями организуется фестиваль музыки и древних боевых искусств «Балтийское Солнце» (Mūzikas un seno cīņu festivāls «Baltijas Saule» Zaķusalā); «Фольклорный информационный центр» организует дни культуры балтов (Baltu kultūras dienas). В 2008 г., например, в музее современного искусства в Педвале (расположенном на месте древнелатышского святилища — как пишется в информационном листе²) прошла акция «Белый круг», направленная на укрепление идеи единства, с зажжением костров и угощением травяным чаем. Появилась традиция зажигать вечером 21 сентября, с 20 до 21 часа, огни на городищах и священных холмах — в память о битве при Сауле, в честь предков. Звучит призыв: «Пусть созвучными будут огни единства балтов, как и 770 осенних равноденствий тому назад!» (Lai sasaucas baltu vienotības uguns kā pirms 770 saulstāvjiem!).

¹ Andris Krūmiņš. <www.meeting.oho.lv>. 22.09.2006.

² Baltu vienības diena Pedvālē. 24.09.2008.

Однако немало критических замечаний получает сама тема «единства балтов» в обсуждении этого праздника (особенно на страницах латышского Интернета). Сокрушения по поводу недостаточных реальных повседневных контактов и идейного единства не только между народами — наследниками древних балтов, но даже между самими латышами, резюмируются такими ироничными высказываниями: «Все кажется, что 22 сентября только очередной отмечаемый календарный день — красивое название, сущность которого потерялась за последнее десятилетие <...> Может быть, нужно в календаре отметить еще один праздничный день с названием — день единства латышей?»¹. На одном из концертов, посвященных Дню единства балтов, исполнялась всего одна песня на литовском языке, все остальные пелись по-английски². Удручающим представляется для многих тот факт, что языком общения между латышами и литовцами являются русский или английский. Еще большую критику вызывает фрагментарный и исключительно фольклорный характер этих «балтских» контактов, при резко сократившихся в 1990—2000-е гг. реальных повседневных связях между Латвией и Литвой³. Рудите Калпина полагает, что укрепление единства балтов должно быть «своей», латышской и литовской идеей, противостоящей концепции общественной интеграции Латвии, которая, по ее мнению, навязана извне. Но в латышском массовом сознании силен стереотип «все, что носит название Балтии (не говоря уже о советском топониме “Прибалтика”), — русское»; хотя имеются попытки его преодоления, но они еще не закрепились в широкой, регулярной и постоянной общественной практике. Это непреодоленное прошлое остается значительным препятствием в формировании регионального балтийского единства, которое пока не может преодолеть стремление не очень значительного числа латышей и литовцев (почти исключительно знатоков фольклора, участников фольклорно-этнографических ансамблей, историков и филологов) усилить суперэтническое единство на основе балтов как лингвистической группы, что к тому же периодически сталкивается с вопросом о месте в этом культурном мероприятии ливов, эстонцев и белорусов и многими подобными столь же неразрешимыми проблемами.

Другой исторической реминисценцией являются «дни рождения» и юбилеи городов, среди которых широко праздновались 700-летие (1901), 750-летие (1952) и особенно **800-летие основания города Риги** (лето-осень 2001 г., так как годом основания

¹ ‘Sabīna Alta’ Kā ir ar vienotību? 17.09.2008.

² Anglīs 10:18 23.09.2006.

³ Kalpiņa Rudīte. Balti. Gadsimtiem līdzās. 21.09.2007.

Риги принято считать 1201 г.). Юбилеи эти обычно приурочены или к первой дате упоминания в источниках (тогда для Риги это 1198 г.), или к дате дарования прав города (тогда для Риги это 1225 г., по образцу Висби, когда Вильгельм Моденский объезжал с инспекцией земли).

Несмотря на весьма сложный образ начала XIII в. в латышском национальном историческом сознании и на то обстоятельство, что Рига представляется как вражеское, чуждое латышам укрепление, никакие негативные моменты не были заложены в сценарий празднования юбилеев. Напротив, Рига предстает мультиэтническим культурным центром развития ремесел, торговли, искусства, местом, объединяющим и обогащающим всю Латвию. По-видимому, это стало результатом сложного процесса летонизации Риги, начатого еще в XVII в., активизировавшегося во времена младолатышей, но особенно продвинувшегося после Первой мировой войны и в период первой Латвийской республики.

Другой исторической ссылкой на события конца XII — начала XIII в. является первая **христианская церковь Латвии** (1184) святого Мейнарда (епископа) в Икшкиле, возле законсервированных руин которой воздвигнут **памятник епископу Мейнард**. Они находятся на острове в Даугаве, до которого летом можно идти пешком (когда уровень воды на Рижской ГЭС понижается). Место стало популярным у рижан: раз в году, в следующее после 15 августа воскресенье, празднуется день святого Мейнарда, здесь сложился обычай посещения острова влюбленными и новобрачными, изредка тут даже проводятся венчания и крестины.

Итак, понятие «XIII век» относится не столько к области исторической периодизации, сколько к области «мифоистории», означая прежде всего идею «героической борьбы древних латышей с немецкими крестоносцами» и сложный контекст формирования государственных образований и в результате будущей Ливонии. Перенос представлений второй половины XIX — начала XX в. о латышской нации на период конца XII—XIII в. требует конструирования единого «своего» этносоциального организма «древних латышей», в скором будущем — подчиненного и угнетенного класса, который в национальной истории резко противопоставлен «чужим», пришельцам, христианам, носителям власти. «XIII век» во многом «выстраивает» и предшествующий «период» — «Древнюю Латвию», отчасти потому что именно он содержит «Хронику Ливонии», первый подробный источник «близкого взгляда», описывающий некоторые культурные особенности балтийских народов.

Среди важнейших исторических референций латвийского общества, обращенных к «XIII веку», нужно назвать художественную литературу: романтические национальные «эпосы» и прежде всего «Лачплесис» А. Пумпура, сочинение Райниса «Огонь и ночь», поэму В. Белшевиц «Заметки Генриха Латыша на полях Хроники Ливонии» и мн. др. Все исторические персонажи тут делятся на три типа: «свои» (древние латыши, пытающиеся отстоять свою независимость), «чужие» (немцы, завоеватели) и «свои-предатели» («кангары», идущие на соглашение с врагом, предающие интересы своего народа). По этому же принципу бинарных оппозиций выстраивается и историческая реконструкция. Тем не менее в профессиональной истории, отчасти в публицистике, протестантских и католических кругах, определенном сегменте широких общественных представлений существует и критика подобной конструкции. Осмысление деятельности христианских миссионеров конца XII — начала XIII в. и начала формирования городской культуры как «своего», как части своей, латвийской истории, ощутимо в реинтерпретации таких мест, как Икшкиле, Рига, и даже отчасти в деятельности клуба «Ливонцы» (по крайней мере в конце 1990-х гг.), которые в целом представляют не столько «Ливонию», сколько именно образы пресловутого «XIII века».

Итак, национальная история отражает модель формирования данной нации и поэтому представляет собой **ретроспективное** историческое описание, содержащее значительный элемент художественного вымысла и мифологии. Будучи формой коллективной памяти (элементами которой являются как практики припоминания, так и умолчания, забвения), национальная история символизирует «монументальный подход» к прошлому (по выражению Ф. Ницше), в котором доминирует выявление высоких, успешных или, наоборот, трагических событий и фактов с целью возвышения или подчеркивания величия современного состояния¹. Создание/«возрождение» древности, формирование тесной связи между археологией и современностью необходимо, чтобы убедиться в бывшем, хотя и по-

---

¹ Ф. Ницше в статье «О пользе и вреде истории для жизни» выделил три подхода к использованию истории: «монументальный», «антикварный» и «критический». Антикварное холит традицию, выясняет ее происхождение, а также занимается коллекционированием и сохранением. Критическое отношение отменяет силу воспоминаний, демифологизирует традицию, высвобождает жизненную практику для новых ориентаций [Ницше 1990: 173]. Андрей Йохансонс отметил: «В балтийской историографии уже с XVII в. ярко обозначилось т.н. антикварное направление. В своем самом ценном аспекте оно занималось древними текстами, правовыми памятниками и вообще сбором и собиранием исторического материала. В собственных сочинениях представители этого направления были по большей части компиляторами, которые не только работали без определенной методики и научной критики, но нередко — особенно в обзорах предыстории и ранней истории — обходились даже собственной фантазией» [Johanson 1975: 210]. Критическое направление представлено немногочисленными профессиональными исследователями — историками, археологами, антропологами.

терянном единстве и в его преемственности с сегодняшним днем посредством любых более или менее материализованных форм.

Национальный вопрос в Латвии возник как именно **латышский вопрос** и прежде всего среди «иноземцев» — немцев. Представления о «латышском» в исторических повествованиях появляются в XVII в., но до последней трети XVIII в. они оставались фрагментарными, неотчетливыми; другие формы идентичности (конфессия, язык, род занятия) тогда были важнее. Формирование все более и более тесных этнических связей латышей в XVI—XVIII вв. связано с новым переделом балтийских земель и замыканием сословий. В немецких сочинениях эпохи Просвещения «латышское» уже облекается в отчетливые формы, появляются его подробные описания.

До середины XIX в. представления о латышском (как, например, и эстонском, финском) в целом совпадали с кругом представлений о «крестьянском», «простонародном», «низком»; хотя существовали и городские круги латышей, а в XVIII в. группа рижских латышей, возглавляемая Штейнгауэром, начала борьбу за свои права, процент их был невелик¹. Латышский вопрос, поставленный в конце XVIII в. и особенно ярко в работах Г. Меркеля, имел отчетливый освободительный пафос, который с небольшими видоизменениями дошел до нашего времени, став ощутимой частью в современной национальной идеологии и даже государственной культурной политике Латвии.

На примере национальной истории хорошо виден контроль власти над общественным мнением. Исчезновение класса немецкого остзейского дворянства в 1920-х гг. привело к исчезновению их историографии; распад СССР и второе обретение Латвией независимости в 1991 г. — к ликвидации официальной политики советской истории Латвии и ее пропаганды. Однако каждая из историографических традиций не исчезала бесследно: все модели в преобразованном виде продолжают работать и поныне, воплощаясь в социальных и культурных институтах, практиках, а также мировоззрении (так как речь идет прежде всего о представлениях, на основе которых рождаются стереотипы, идеология, политические позиции и т.д., часто — с отрицательным знаком).

Одна из проблем, на мой взгляд, заключается в том, что до сих пор у «латышской национальной истории» были всего два «ви-зави», «собеседника» и «оппонента», исключительно на которых и ориентировались создающиеся повествования, а именно —

¹ Составляется кодекс документов об их правах (т.н. Кодекс Замовского (Samowsky). Об этом подробно писал Я. Страубергс [Straubergs 1936].

«остзейские немцы» (история которых закончилась в 1939 г.) и «Советский Союз» (с некоторым участием «Российской империи» и сегодняшнего правопреемника СССР, «Российской Федерации»). Кавычки в названиях здесь стоят, так как речь идет об «адресах», куда в принципе обращены «послания» отсылающих к истории текстов. Огромное число тем, сюжетов, отсылок совершенно теряют свой смысл вне этих двух контекстов, латышско-немецких и латышско-российских (или «русских», используя латышский термин *krievs* в значении «общероссийского») теснейших взаимодействий и противостояний.

Поэтизация — существенная черта национальной истории. Однако клубы исторической реконструкции реализуют не столько исторические эпохи (хотя в материальной культуре и стремятся к аутентичности, именно это говорит об их стремлении скорее к выработке, шлифовке и воспроизведению стиля), сколько являются живой иллюстрацией к литературному жанру фэнтези, интерес к которому в Латвии ощутимо рос в 1990-х — начале 2000-х гг. (как, впрочем, и во всем мире; см.: [Simsons 2008: 91–109]). В их деятельности налицо все его элементы (создание особого, отдаленного во времени — в данном случае помещенного в историю Латвии, в «славное прошлое» Древней Латвии или в малодокументированную эпоху XIV–XV вв. — мира, героическая борьба героя с антагонистом, высокая цель и жертвенность героя, опасный путь и поиски героя, чудесные события, получение сверхобычных способностей). Такие движения тесно связаны с **фэнтези**, которое тоже во многом есть создание прошлого, которого мы не в силах изменить, только — придумать заново. Это прошлое, которого никогда не было, где имеются четкие оценочные категории «хорошего»/«своего» и «плохого»/«чужого». Действующие силы фэнтези — сила воли героя (что восходит к рыцарскому роману Средневековья и разработано в литературе романтизма), магические действия злых и добрых сил; цель фэнтези — укрепление самосознания, автоапология, вытеснение страхов, установление гармонии.

Существенной проблемой на пути формирования единой латвийской нации сегодня является то обстоятельство, что долгое время в истории формирования латышской национальной культуры преобладали эксклюзивные механизмы, а этнонациональное стремилось поглотить другие формы идентичности, по-своему (как «свои» или «чужие») интерпретировав все научные достижения, образцы художественного творчества и феномены общественной жизни¹. Переоценка же этнического со-

¹ Пример — интервью с А. Херманисом (журналист и театральный критик в ходе беседы добивалась у режиссера признания того, что его спектакли — о «латышах», о «латышском»; тот же стремился выпутаться из этой национальной сети, делающей все плоским).

ставляющего нации (как пишет, в частности, Георг Шёпфлин, изучая посткоммунистические страны Центральной и Восточной Европы), в частности, закреплённая в образах «латышской (sic!) древности», ныне приводит к росту общественной нестабильности и задерживает развитие демократических институтов [Schöpflin 1997; Schöpflin 2000: 61].

Обозначив себя как национальную, любая из сфер культуры теряет самостоятельность, независимость, преобразуется в фактор идеологии, политики, наконец, маркетинга. Сделавшись частью «национального инвентаря», она обретает «добавочную стоимость» и способна приносить доход. В случае с латышской национальной историей столь отчетливое сохранение национально-романтической модели делает ее своеобразным **культурным «брендом»**, материализованным как в художественных, публицистических, политических и даже рекламных текстах, так и в культурных практиках — клубной, музейной, субкультурной, а также в массовой культуре. Однако это же затрудняет ее инструментальность, ограничивает развитие ее познавательной функции, усиливает изоляционизм [Priedīte 1999: 243], что проявляется среди прочего в кризисе школьного преподавания истории, да и в целом общественного исторического сознания.

Правда, подобные тенденции ни в коей мере не уникальны только для Латвии; они наблюдаются в общественном и культурном обращении к истории всех тех народов мира, которые одновременно стремятся укрепить несколько групповых идентичностей — этническую (в данном случае — латышскую), национальную (латвийскую), новую федеративно-государственную (европейскую), а кроме того, участвуют и в более глобальных формах международного взаимодействия.

Сокращения

- ПМА — Полевые материалы автора
 LA — Latvijas arhaioloģija
 LV — Latvijas vēsture
 LVI — Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls

Библиография

- Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 364 с.
- Венелин Ю.И.* Окружные жители Балтийского моря, то есть Леты и Славяне. М.: Издательство Московского университета, 1847. 76 с.

- [Зутис 1952] История Латвийской ССР / Под ред. Я. Зутиса. Рига: Издательство АН ЛССР, 1952. Т. I. 568 с.
- Зутис Я.Я. Основные направления в историографии народов Восточной Прибалтики (XIX–XX вв.). М.: Издательство Академии наук, 1955.
- История Латвии. XX век. Коллективная монография. Рига: Издательство АН ЛССР, 2005.
- Крастынь Я.П. Борьба народов Прибалтики против немецких захватчиков. Казань: Изд-во АН СССР, 1942. 196 с.
- Мандельштам О. Шум времени: Воспоминания. Статьи. Очерки. СПб.: Вагриус, 1999.
- Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. Литературные памятники. 829 с.
- [Полунин 1773] Географический лексикон Российского государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовья, рудные заводы и прочия достопамятныя места обширной Российской империи... М.: На иждивении Хр. Л. Вевера, 1773. [16], 479 с., 1 л. ил.
- Поездка в Остзейские губернии ст. сов. В. Беккера. М.: В типографии Готье, 1852.
- Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер., вступ. ст. С. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 347 с.
- Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. 189 с.
- Alunāns A.J. Alunāna dzīve. Jelgava: Ievērojami latvieši, 1910. 179 lp.
- Alunāns J. Raksti / Sak. R. Klaustiņš. Pēterburga: A. Gulbja apgads, B.g. [1914].
- Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.: Verso, 1983. 198 p.
- Armstrong J.A. Nations before Nationalism. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. 411 p.
- Arndt J.G. Der Liefländischen Chronik. 1 Teil. Halle, 1747.
- Аспазija. Копотie raksti. 2 sej. R.: Liesma, 1986.
- Balodis F. Senākie laiki. Latviešu senvēsture // Latviešu vēsture. R.: Valsts pārīra spiestuve, 1938. 1 sej., 1 daļa. 11–215 lp.
- Balodis F. Die Burgberge Lettlands. Eine Zusammenfassung der Resultate tellischer Forschungsarbeit // Studi Baltici. Roma, [1942]. Vol. 8 (1941–1942). S. 46–91.
- Bartlett R. The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change, 950–1350. L.: Penguin Books Ltd, 1993. 432 p.
- Belševica V. Raksti. I–IV. R.: Jumava, 1999.
- Bielenstein A. Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten: Ein Beitrag zur Ethnographie, Culturgeschichte und Archaeologie der Völker Russ-

lands im Westgebiet. Erster Teil: Die Holzbauten der Letten. СПб.: Типография Российской Академии наук, 1907; Zweiter Teil: Die Holzgeräte der Letten. Пг.: Типография Российской Академии наук, 1918. 278 s.

Billig M. Banal Nationalism. L.: Sage Publications, 1995. 192 p.

[*Birkerts 1922*] Mazā Latvijas vēstures chrestomatija. Pamatskolu kurss / Sast. A. Birkerts. 1 daļa. Aizvēsture. Feodālisms. R.: A. Gulbja apg., 1922. 235 lp.

Birkerts A. Latviešu inteliģence savās cīnās un gaitās. 1–2 daļa. R.: Rank, 1927. 240 lp.

Blanks E. Latviešu tautiskā kustība. R.: A. Gulbja apg., 1921. 172 lp.

[*Branch 1999*] National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-East Baltic Region, Nineteenth and Twentieth Centuries / Ed. by M. Branch. Helsinki: Finnish Literature Society, 1999. 527 p.

Brašiņš E. Mūsu dievestības tūkstošgadīgā apkarošana. R.: b.i., 1936.

Burke P. (ed). New Perspectives on Historical Writing. University Park: The Pennsylvania State University Press, 1991. 382 p.

[*Butler 1989*] Memory: History, Culture and the Mind / Ed. by T. Butler. Oxford: Basil Blackwell, 1989. 291 p.

Ceipe G. Braļu draudzes vieta latviešu vēsture un mūsdienās. Tradīcija. 2006. Manuskripts (lobezno piedāvātājam autoram).

Certeau M. The Practice of Everyday Life. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1988. 272 p.

Christiansen E. The Northern Crusades: The Baltic and the Catholic Frontier, 1100–1525. L.; Basingstoke: Macmillian press, 1980. 273 p.

Collingwood R.G. The Historical Imagination: An Inaugural Lecture. Oxford: Clarendon Press, 1935. 142 p.

Collingwood R.G. The Idea of History. Oxford: Clarendon press, 1946. 339 p.

Collingwood R.G. The Principles of History and Other Writings in Philosophy of History / Ed. by W.H. Dray, W. Dussen. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1999. 293 p.

Deglava A. Latviešu attīstības solis no 1848–1975. R., 1893. 142 lp.

Dray W.H. History as Re-enactment: R.G. Collingwood's Idea of History. L.; Toronto: Clarendon press, 1999. 347 p.

Dreimanis P. Latvijas vēstures ainās un atsevišķi tēlojumi no vispārējās vēstures (pamatskolas III un IV klasēm). R.: A. Gulbja apg., 1924.

Droysen J.G. Grundriss der Historik. 3-te umgearb. Augl. Leipzig: Veit, 1882. 90 s.

Droysen J.G. Historik: historisch-kritische Ausgabe. Supplement: Droysen-Bibliographie. Hrsg. v. Horst W. Blanke. Stuttgart: Bad Cannstatt, 2008. 444 s.

Dzenis A. Latvieši Livonijas ordeņa valstī — vergi vai saimnieki // Kabinets. 2008. jūlijs. N 59. Lp. 42–47.

- Eihmane E.* Līvzemes kristianizācijas periods ka bāze paliekošiem mītiem // Mīti Latvijas vēsturē / Sast. K. Zellis. R.: Zinātne, 2006. Lp. 13–18.
- Einhorn P.* Historia Lettica, das ist Beschreibung der Lettischen Nation. Dorpat in Liefland, 1649.
- Eisen J.G.* Eines liefländischen Patrioten Beschreibung der Leibeigenschaft, wie solche in Liefland über die Bauern eingeführt ist. Sammlung russischer Geschichte, von G.F. Müller. 1764. Bd. IX. S. 491–527.
- Fewster D.* Visions of Past Glory. Nationalism and the Construction of Early Finnish History. 2nd ed. Helsinki: Finnish Literature Society, 2006. 555 p.
- Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford: Basil Blackwell, 1983. 150 p.
- Grīnuma I.* Uguns arheoloģijas vēsturē // Diena. 22.09.2007.
- Hobsbawm E.J., Ranger T.O.* The Invention of Tradition. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1983. 320 p.
- Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 282 p.
- [*Iggers 1993*] Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge / G.I. Iggers (ed.). Hanover, L.: Wesleyan University Press, 1993. 381 p.
- Ivanovs A.* Vēstures palīdzinātnes un vēstures pētniecības līmenis: par dažām tendencēm mūsdienu Latvijas historiogrāfijas attīstībā // Sabiedrība un kultūra. Rakstu krājums. Liepāja: Liepājas Universitātes Sociālo zinātņu katedra, 2008. X. Lp. 487–494.
- Johansons A.* Latviešu kultūras vēsture. 1710–1800. Stockholm: Daugava, 1975. 572 lp.
- Kalniņš D.* Seno rotu kalve. Rotu kalšana ABC. R.: Dienas Grāmata, 2007. 370 lp.
- Karulis K.* Latviešu etimoloģijas vārdnīca. R.: Avots, 1992. I–II sēj.
- Kļaviņš K.* Mīti, konjunktūra un aktuālās vērtības Latvijas vēsture // Latvijas Vēsture. 2004. N 3. Lp. 47–57.
- Krēsliņš J.* Mīti par latviešu un Latvijas vēsturi un piezīmes par tā dēvēto Latvijas tēla jautājumiem // Krēsliņš J. Raksti. 1. sēj. R.: Valters un Rapa, 2004.
- Krodznieks J.* Raksti. (Iz Baltijas vēstures). R.: b.i., 1912–1914. I–III.
- Kronvalds A., Rudzītis J.* Tagadnei : izlase / Atis Kronvalds; [sastādītājs Jazeps Rudzītis]. R.: Liesma, 1987. 310 lp.
- Kūle M.* Eiroduzīve. R.: LU Filozofijas un Socioloģijas Institūts, 2006. 435 lp.
- Kurlovičs G., Tomašūns A.* Latvijas vēsture vidusskolai. R.: Zvaigzne ABC, 1999. 192 lp.
- Kurmīš A.* Latvju augšāmcelšanās. Patstāvības ideja nacionālā dzejā. R.: Literatūra, 1936. 272 lp.
- Kurmīš A.* Latviskais mūžos. Atmiņas par nacionāliem varoņiem. R.: Jumava, 1997. 172 lp.

- Ķēniņš I.* Latvija gadsimti lokos. Aizvēsture un senvēsture. R.: RaKa, 2003. 1 daļa. 182 lp.
- Latvijas arhαιoloģija / Prof. Fr. Baloža redakcijā. R.: Valtera un Rapas AS izd., 1926.
- Latvijas vēsture. Skolas vecuma bērniem / O. Kostandes redakcija. R.: Zvaigzne, 1992. 281 lp.
- Latviešu daiļamatniecība / Sakārt. A. Sildegis, O. Grīns. Esslingenā pie Neckāras: A. Brokana apg., 1949. 57 lp.
- Laube E.* Ievads // Mākslas vēsture. V. Purvīša red. R.: Grāmatu draugs, 1934. 1 sēj. Lp. 5–16.
- Le Goff J.* History and Memory. N.Y.: Columbia University Press, 1992.
- Lejiņš J.* Zīmogs sarkanā vaskā. R.: Karogs, 2004.
- Levits E.* Latvijas ceļš atpakaļ uz Eiropu (2001) // Eiropas ideas Latvijā. Rīga: Pētergailis, 2003. Lp. 199–210.
- Livona: Ein historisch-poetisches Taschenbuch für die deutsch-russischen Ostseeprovinzen. R.: Dorpat, 1812–1815.
- Löfgren O.* The Nationalization of Culture // Ethnologia Europaea. 1989. XIX. P. 5–24.
- Luhmann N.* Gesellschaftsstruktur und Semantik. Frankfurt: Surkampff, 1981. 262 s.
- Luhmann N.* Social System. Stanford: Stanford University Press, 1999. 240 p.
- Mali J.* Mythistory. L.: Oxford University Press, 2003. 271 p.
- Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge // Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10 Jh's. Leipzig, 1903.
- McNeil W.H.* Mythistory and Other Essays. Chicago: University of Chicago Press, 1986. 292 p.
- The Meaning of History / Ed. by J. Rüsen and K.E. Müller. L.: Bergham Books, 2004.
- Merkel G.* Die Letten, vorzüglich in Liefland, am Ende des philosophischen Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Völker- und Menschenkunde. Leipzig: Gräff, 1796. 184 s.
- Merkel G.* Die Vorzeit Liefland. Ein Denkmahl des Pfaffen- und Rittergeistes. Berlin: in der Vossischen Buchhandlung, 1798–1799. Bd. 1–2. 196 s.
- Merkel G.* Wannem Ymanta, eine lettische Sage. Leipzig: bei Johann Friedrich Hartknoch, 1802. 74 s.
- Mintauris M.* Vēsturiskie mīti un sociālā prakse: episodes no Latvijas arhitektūras pieminekļu aizsardzības vēstures (1920–1930 gadi) // Mīti Latvijas vēsturē / Sast. K. Zellis. R.: Zinātne, 2006. Lp. 48–55.
- Mugurēvičs E.* Novadu veidošanās un to robežas Latvijas teritorijā (12.gs. — 16.gs.vidus) // Latvijas zemju robežas 1000 gados / Sast. A. Caune. R.: Latvijas Vēstures institūta apgāds, 1999. Lp. 54–90.
- Muktupāvela L.* Brālibrāli. Balsu burvji brāļi Kokari. R.: Dienas grāmata, 2008.

- Nation, Identity and Historical Consciousness / Ed. by J. Straub L.: Bergham Books, 2003.
- Nora P.* Realms of Memory. Vol. III. Symbols. N.Y.: Columbia University Press, 1992. 290 p.
- Novick P.* The Holocaust in American Life. Boston; N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1999. 261 p.
- Pjätigorskis A.* Kā perifērija ir Latvija? // Rīgas Laiks. 2002. Oktobris. Lp. 16–18.
- Plakāns A.* Kronvalds un latviešu vēsture // Akadēmiska Dzīve. 1989. N 27. Lp. 23–24.
- Priedīte A.* National Identity and Cultural Identity: The History of Ideas in Latvia in the 19 and 20 centuries // National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-East Baltic Region, Nineteenth and Twentieth Centuries / Ed. by M. Branch. Helsinki: Finnish Literature Society, 1999. P. 229–244.
- Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Grundzüge einer Kultur- und Völkgeschichte Alteuropas. Bei Schrader O. Herausgegeben von A. Nehring. 2 Bde. 2., verm. u. umgearb. Aufl. Berlin: de Gruyter 1917–1929. X, 672 / VI, 861 S., 51 s/w Taf., 61 Textill.
- Rūmnieks V., Migla A.* Kuršu vikingi. R.: Karogs, 1998. 264 lp.
- Ruņģis A.* ... iet latvieši caur gadu simteņiem. N.Y.: Grāmatu draugs, 1982. 382 lp.
- Rüsen J.* Historische Orientierung: über die Arbeit des Geschichtsbewußtseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Köln: Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 1994. 264 s.
- Schöpflin G.* Nations. Identity. Power: The New Politics of Europe. L.: Hurst and Company, 2000. 282 p.
- Schöpflin G.* The Functions of Myth and a Taxonomy of Myths // G. Hosking, G. Schöpflin (eds.). Myths and Nationhood. L.: Hurst & Co. Ltd., 1997.
- Simsons B.* Fantāzijas žanrs — mīts, problemātika, specifika // Meklējumi un atradumi. Rakstu krājums. R.: Zinātne, 2008. Lp. 91–109.
- Skagestad P.* Making Sense of History. The Philosophies of Popper and Collingwood. Oslo: Univ.-forl., 1975. 118 p.
- Smith A.D.* Myths and Memories of the Nation. Oxford: Oxford University Press, 1999. 312 p.
- Smith A.D.* Theories of Nationalism. 2 ed. L.: George Allen & Unwin, 1983. 257 p.
- Smith A.D.* The Ethnic Revival. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 240 p.
- Spekke A.* Latvijas vēsture. Latvju tautas likteņcīņas Eiropas krustceļos. (Stokholma, 1948). R.: Jumava, 2008. 382 lp.
- Spekke A.* Baltu tautas kristīgās ēras pirmajā gadu tūkstošī // Tautas Vēsturei. R.: A. Gulbja apg, 1938. Lp. 61–76.
- Spekke A.* Dažas agro viduslaiku arābu ģeogrāfu ziņas par baltu tautām // LVIŅ. 1937. N 3. Lp. 1–28.
- Spekke A.* History of Latvia: An Outline. Stockholm: Daugava, 1957.

- Stradiņš J.* Trešā atmoda. Raksti un runas 1988–1990.gadā Latvijā un par Latviju. R.: Zinātne, 1994. 402 lp.
- Straubergs J.* Rīgas latviešu pirmās nacionalās cīņas 18.g.s. R.: A. Gulbja apg., 1936. 172 lp.
- Szücs J.* Nation und Geschichte: Studien. Budapest: Gyoma, 1981. 284 p.
- Šilde A.* Latvijas vēsture 1914–1940: valsts tapšana un suverēnā valsts. Stokholma: Daugava, 1976. 781 lp.
- Šnē A.* Sabiedrība in vara: sociālās attiecības Austrumlatvijā aizvēstures beigās. R.: Intelekts, 2002.
- Šnē A.* Arnolds Spekke un viņa Latvijas vēstures ģeopolitiskais skatījums // Spekke A. Latvijas vēsture. Latvju tautas likteņcīņas Eiropas krustceļos. (Stokholma, 1948). R.: Jumava, 2008. Lp. 374–382.
- Šterns I.* Latvijas vēsture, 1180–1290: krustakari. R.: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2002.
- Šulmane I., Kruks S.* Stereotipi Latvijas presē // Latvijas mediju analīze (Daudzveidība III). R.: b.i., 2001. 84 lp.
- Šuvajevs I.* Mīts — fantāzija vai patiesība? // Daba un vēsture. 2009. Mīti un īstenība. R.: Zinātne, [2008]. Lp. 5–10.
- Švābe A.* Latvijas vēsture. R.: Avots, 1990 (1925). I. 240 lp.
- Švābe A.* Latvju kultūras vēsture. R.: A. Gulbja apg., 1921–1922. I–II.
- Švābe A.* Latvijas vēsture. 1800–1914. Stokholma: Daugava, 1958.
- Tautas atmoda. R.: A. Gulbja apg., 1927.
- Tautas vēsturei. Veltījums profesoram Arvedam Švābem. R.: A. Gulbis, 1938.
- [Tilly 1975] The Formation of National States in Western Europe / Ed. C. Tilly. Princeton: Princeton University Press, 1975. 711 p.
- Ulmanis K.* Tauta un Vēsture // LVIT. 1937a. N 2. Lp. 3–8.
- Ulmanis K.* Klausaities vēstures soļos // LVIT. 1937b. N 2. Lp. 2–5.
- Urban W.* Victims of the Baltic Crusade <<http://department.monm.edu/history/urban/articles/VictimsBalticCrusade.htm>>.
- Valk H.* The Distribution of Medieval/Post Medieval Burial Grounds of Western and Eastern Estonia: Association with Villages, Manors and Parish Centres // Europeans or Not? Local Level Strategies on the Baltic Rim, 1100–1400 AD / Ed. Nils Blomkvist. Kalmar: Gotland University College Centre for Baltic Studies, 1999. P. 17–38.
- Vasks A.* Baltu izcelsme un agrīnā vēsture — uzskatu plurālisms vai metodoloģijas krīze? // LVIT. 2000. N 1. Lp. 46–67.
- Vītola M.Z.* «Kinokamera ir mans ierocis»: subversīvais zemteksts Jura Podnieka agrīnajās filmās // Meklējumi un atradumi. Rakstu krājums. R.: Zinātne, 2008. Lp. 9–17.
- Vijups A.* Aizvēstures jēdziena terminoloģija un tās attīstība latviešu valodā // LV. 1999. N 4 (36). Lp. 38–49.
- Wertsch J.V.* Voices of Collective Remembering. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Western Historical Thinking: An Inretcultural Debate / Ed.by J. Rüsen. L.: Bergham Books, 2002.

- White H.* Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1987. 287 p.
- White H.* The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1990. 244 p.
- [*Zeiferts 1919*] Mūsu Dzimtene. Ainas iz Latvijas dabas un vēstures / Sast. T. Zeiferts. Cēsīs: «Skola», 1919. 507 lp.
- Zemītis G.* Starptautiskais seminārs «Pilskalni un varas centri ausrumos no Baltijas jūras» Tartu universitātē // LVIŅ. 2008. N 2. Lp. 159–163.